Виктор Байдерин

ВОЛОДЯ УЛЬЯНОВ в Казани и Кокушкине

ТАТАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНЬ
1970

ВИКТОР
БАЙДЕРИН

ВОЛОДЯ УЛЬЯНОВ
в Казани и Кокушкине

РАССКАЗЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

Р2
Б18

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

7-6-2
192-70М

ПЕРВЫЙ РАЗ В КАЗАНИ

— Ульяновы приехали! Мама, к нам в гости Ульяновы!

Девочки выбежали гурьбой на залитый солнцем двор. В калитку входило большое семейство Ульяновых.

Так было каждую весну. Из города Симбирска Ульяновы приезжали на пароходе по Волге в Казань. Гостили несколько дней у своих родственников, потом ехали дальше, в деревню Кокушкино. В этой маленькой тихой деревушке, в сорока верстах от Казани, Ульяновы проводили все лето.

И на этот раз после дороги остановились они отдохнуть в доме Анны Александровны Веретенниковой — родной сестры Марии Александровны Ульяновой. Хозяйка дома, встретив гостей, внимательно посмотрела на Володю, восьмилетнего сына Ульяновых, которого родители взяли в поездку первый раз.

— А ну-ка, покажись, какой ты есть, Ульянов! — улыбнулась Анна Александровна.

Володя протянул ей руку.

— Отлично, молодой человек! Только растешь ты медленно. Больше надо кушать, больше двигаться. Обещай тете Ане, что вырастешь большим-пребольшим.

— Обещаю.

— Вот и хорошо. Прошу к столу. Сухая дорожная еда, небось, надоела?

Гостей усадили за стол. Володя частенько посматривал на тетю Аню: видит ли она, как он ест хорошо?

Тетя Аня видела.

— Вот так и ешь всегда,— похвалила она, когда завтрак был окончен.— Станешь тогда большим, больше всех своих ровесников.

— Не больше, а длиннее,— сказал Володя.

— Ого! Язычок у тебя острый! — удивилась Анна Александровна.

— Володя, со взрослыми так не разговаривают,— заметила мать.

Он смутился, покраснел.

— Ничего, ничего,— выручила мальчика тетя Аня.— Мы — люди свои, Володя. Будь не длиннее, а умнее... А теперь, дети, в гостиную идите. Постарайтесь только не шуметь.

Двоюродные братья и сестры очутились в большой прохладной комнате, уставленной мебелью. Посредине стол, покрытый тяжелой цветной скатертью, бахрома которой свисала до самого пола. Стояли высокие, со стеклянными дверцами шкафы, где хранилась посуда. У стен — диваны, подставки для цветов. Рядом с большим зеркалом на треногом столике сиял графин.

Первое время дети вели себя тихо и смирно. Маленькие гости присматривались — их смущала незнакомая комната, непривычная обстановка.

— Давайте в жмурки! — предложил кто-то из Веретенниковых.

— В жмурки! В жмурки! — зазвенели голоса.

И вот уже Аня Ульянова, касаясь ладонью каждого, ведет счет:

— Аты-баты, шли солдаты...

Водить выпало Коле Веретенникову. Ему завязали глаза, повернули на месте раза три.

— Лови! — кто-то подал команду, и все отскочили от Коли.

Согнувшись и широко раскинув руки, тот начал медленно ходить по комнате. Слышались тихие девичьи смешки по углам, кто-то из мальчиков крикнул: «Ку-ку!»

Володя, сверкнув глазами, шепнул Ане:

— Смотри...

Он сжался в комок и ринулся вперед, прямо под ноги Коле: хотел, видимо, проскочить между расставленными ногами.

— Оп! — крикнул Коля и, схватив за плечо Володю, прижал его к полу.

Затем снял повязку.

— Симбирские хотели перехитрить казанских! Вы еще мало каши ели. Извольте водить, молодой человек!

Теперь Володю вывели на середину комнаты. Аня завязала ему глаза.

Володя не ходит по комнате ощупью — он, едва услышав шорох или шепот, стремглав бросается в ту сторону. Тот, кого он пытается поймать, тоже не зевает. А Володя уже мчится в другой конец комнаты — там послышались чьи-то легкие шаги.

— Он видит, видит! — кричат со всех сторон девочки.— Развязалась!

Игру останавливают. Коля проверяет повязку: нет, Володе не видно.

Коля отскакивает в сторону, кричит:

— Игра!

И тотчас Володя бросается на голос.

Но что это? Грудью сбивает он что-то слишком твердое, и слышится под ногами звон разбитого стекла.

Володя срывает повязку. На полу — треногий столик и разбитый графин. Братья и сестры молча стоят вокруг, растерянно глядя на стеклянные осколк , похожие на льдинки.

Взрослые тоже услышали шум, и нате появилась Анна Александровна.

— Кто это?

Дети молчали.

Тогда хозяйка дома стала спрашивать каждого:

— Ты разбил? Ты?

В ответ слышалось:

— Нет.

— Не я.

— Нет.

Анна Александровна положила руку на кудрявую головку младшего:

— Не ты, Володя?

— Не я.

Никто не признавался.

— Ну, хорошо, дети,— сказала Анна Александровна.— Можете играть, но будьте осторожнее.

Однако игра уже не клеилась.

На следующее утро Ульяновы уехали в Кокушкино.

Прошло много дней. История с разбитым графином казалась навсегда забытой. Володя ждал, что мать как-нибудь спросит его — кто же это напроказничал у тети. Но та ни о чем не спрашивала.

Заботливая Мария Александровна каждый вечер, как только дети заберутся в свои постели, приходила пожелать им доброй ночи. Бывало, что не все отвечали ей. Наигравшись и набегавшись, дети засыпали мгновенно.

Прежде Володя часто не откликался на доброе пожелание матери — спал. Теперь же каждый вечер ждал, когда послышатся ее шаги.

— Спокойной ночи, сынок!

— Спокойной ночи, мама!

И после того еще долго возился под одеялом.

Вот и сегодня Мария Александровна обошла все постели своих детей. Наклонилась и над сыном, тихо сказала ему:

— Спокойной ночи, Володюшка...

Затем наклонилась еще ниже — поцеловать его. Но Володя вдруг расплакался.

— Что с тобой? Ты болен?

Уткнувшись лицом в подушку, мальчик горько плакал. Мать подождала, когда сын успокоится.

— Ты чем-то огорчен, Володя?

— Мама, я тетю Аню обманул,— признался он, всхлипывая.— Сказал, что не разбил графин, а ведь я...

И снова заплакал.

С трудом успокоила Мария Александровна Володю. Когда он уснул, она еще долго сидела у его постели.

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ

В день рождения Марии Александровны Илья Николаевич Ульянов подарил ей фотографию.

Мария Александровна бережно взяла наклеенный на плотный картон снимок и стала рассматривать.

Вокруг нее сгрудились дети.

Все помнили: фотографироваться ходили в тот день, когда Володя впервые надел форменную гимназическую курточку с медными пуговицами. Начищенные мелом, пуговицы блестели, как золотые.

Фотограф долго усаживал семью перед большим аппаратом. Затем сказал:

— Спокойно! Снимаю!

Снял черный колпачок с объектива и снова надел его.

— Все. Готово.

Так вот как выглядела семья в тот момент, когда фотограф снял этот колпачок...

Снимок понравился всем.

— Как по-вашему, дети, кто лучше всех получился на фотографии? — спросила Мария Александровна.

Саша, Оля, Аня сказали, что лучше всех вышла мама.

— Нет, по-моему, лучше вышел папа,— возразил Володя.

— Почему? — спросили его.

Улыбнувшись, Володя сказал:

— Вы только посмотрите: на папины плечи оперлись Аня и Саша, на колени облокотились Митя и я. Сразу видно, что наш отец — опора семьи!

Володина шутка рассмешила всех, особенно Илью Николаевича.

— Вот уж точно,— сказал он.— Устами младенца глаголет истина. Спасибо, сын.

Потом Илья Николаевич подошел к Володе и положил свою большую руку на его плечо.

— Ну, а ты, Володя, сможешь быть опорой семьи?

Володя поднатужился. Отец надавил рукой, но мальчик выдержал — не шелохнулся.

— Вот так! — похвалил Илья Николаевич.— Будь же крепким, чтобы на тебя могли опереться и мама, и Аня, и Митя — все, все...

Мальчишки деревни Кокушкино готовы были ездить в ночное хоть каждый вечер. Пасти лошадей на широких лугах возле реки Меши, рассказывать сказки всю ночь напролет и есть обжигающую картошку, испеченную в костре,— кто же откажется от подобного удовольствия!

О поездке в ночное Володя Ульянов и его двоюродный брат Коля Веретенников узнали от ребят, когда купались в реке Ушне. Деревенские ребята на берегу тараторили о ночном без умолку.

— А нам с Колей можно? — спросил Володя у Вани Завьялова, сына кузнеца.

— Можно. Почему же нельзя?

— У нас нет лошадей.

— Эка беда! — сказал Ваня.— Всегда в ночном так: на десять лошадей — двадцать пастухов. Я думаю...

Ваня посмотрел на Володю и Колю. Мальчики тоже невольно глянули друг на друга.

— Что, Ваня, думаешь, в ночном будет нам тяжело?

— Не-ет. Совсем другое: отпустят ли вас домашние?

— А сейчас мы спросимся и прибежим, вам скажем,— ответил Володя.

В семье Ульяновых было заведено: дети без разрешения взрослых не уходили надолго из дома. Так что

Мария Александровна всегда знала, где и с кем находятся ее малыши.

Когда Володя и Коля бежали с речки, на ходу надевая рубашонки, Коля всю дорогу бормотал: «Нет, не отпустят. Вот увидишь — не пустят». Ему исполнилось двенадцать лет, он был старше Володи на год, но всегда подчинялся брату.

— Пустят,— сказал Володя.

Уговорить родителей оказалось нетрудно. Мария Александровна только спросила:

— Не упадешь с лошади?

— Нет, мама! Ведь мы поедем на одном коне. Я буду сидеть за Ваней и за него держаться.

Потом, прищурив глаза, добавил:

— Упадем так вместе.

— Только не устраивайте гонок,— предупредила Мария Александровна.

Коля Веретенников пришел к своей маме. Она поинтересовалась:

— А Володя едет?

— Ему разрешили.

— Ну, хорошо, поезжайте.

Вечером, как только солнце скрылось вдали, за холмами, шумная ватага мальчишек выехала в ночное.

От Кокушкина до лугов дорога длинная — десять километров. Там, за березовыми перелесками, под кудрявыми ракитами течет Меша. Когда лошади, фыркая, поднимая фонтаны холодных брызг, перешли реку вброд, уже стемнело.

Деревенские ребятишки проворно спрыгнули на студеную от росы траву. Спутали веревками передние ноги своим коням. Возле ракитового куста разожгли костер. Усевшись на прихваченные из дому куртки, зипуны, поддевки, мальчишки протянули мокрые ноги к огню. Едва ноги обсохли, все торопливо стали обуваться. Надо было посмотреть, не разбрелись ли кони по степи, не

завяз ли какой из них в болоте. Из вязкой тины с перевязанными ногами выбраться не так-то просто.

Володя Ульянов тоже поднялся от костра вместе с Ваней Завьяловым.

— Да ты сиди,— сказал ему Ваня.

— Я ведь пастух.— Володя надел и туго зашнуровал свои старенькие ботинки.

Вскоре Ваня и Володя скрылись в ночном тумане.

Многие уже нашли своих коней. Один за другим из темноты выныривали ребята к яркому костру.

Костя Кузнецов, умелый рассказчик страшных историй, уже проговорил:

— А вот раз было...

Но ему не дали говорить: не все были в сборе — Володя и Ваня где-то задержались.

Кузнецов стал спиной к огню и громко прокричал в темноту:

— Ва-ня-а-а! Во-ло-дя-а-а!

Ответа не было.

Черная сова бесшумно взмахнула крыльями над головами ребят.

— Кыш, нечистая сила! — крикнул Костя.

Володю и Ваню ждали долго. И вот, наконец, они появились у костра. Ваня, положив руку на плечо Володи, сказал:

— А знаете ли, где мы были?

— Коня искали? — спросил Кузнецов.

— Какое там! С Володей водяного пугали. Я говорю: «Вон в том омуте, под горой, водяной сидит». А Володя: «Пойдем его вытащим!» Я думаю: экой ты храбрый! «Ну,— говорю,— пойдем». Подошли к омуту. За кустами вода черная, жуткая, и там кто-то чавкает, чавкает... «Слышишь,— говорю,— водяной траву жует». Не успел оглянуться, как Володя схватил палку и тычет в омут. Чуть сам туда не свалился. «Что же ты делаешь? — кричу ему.— Водяной рассердится и нас обоих на дно

утащит». А Володя смеется: «Не утащит! Нет его там». Только что сказал он это, рядом с нами, за кустом что-то плюхнулось. И так громко, будто мешок с зерном в реку бросили. Хотел я бежать, но Володя за рукав меня держит. Подошли к воде, глядим, а там глыба земли с травой свалилась в омут. «Я же говорил тебе — нет водяных,— смеется Володя.— Вода подмыла берег, и тот рухнул. Вот, прислушайся: теперь водяной и чавкать перестал...»

Костя Кузнецов поднялся от костра, подошел к Володе.

— А ты скажи по совести — не страшно было?

— Что же таить. Страшновато было. Ноги в болоте увязли. Думал, засосет в трясину. Да и темень вокруг...

Ребята глянули на его ноги. Они были до колен в грязи.

— Разувайся, герой, садись к огню.

— Эх,— пожалел Кузнецов.— Теперь и сказке никто не поверит.

— Почему же! — сказал Володя.— Положим в костер картошку, и начинай рассказывать. Самую страшную!

ПО ГРИБЫ

Прошли дожди, а после них землю стало греть яркое августовское солнце. На улице Кокушкина все чаще стали появляться люди с корзинами и берестяными лукошками. Женщины, девочки и мальчишки уходили из деревни чуть свет, когда еще сырой и холодный туман стелился по земле. Они возвращались в полдень, и у каждого — полная корзина белых грибов, красноголовых подосиновиков, коричневых подберезовиков.

Ульяновы любили ходить за грибами. Илья Николаевич обычно шутил, что в лесу важно и грибов насобирать, и детей не растерять.

Вот и сегодня вся большая семья отправилась в лес, который в шутку называли «шляпой». Посреди этого леса росли высокие, стройные сосны. Их окружали березы, осины, а еще дальше курчавились кусты черемухи, орешника. Издали казалось, что сосны — верхушка шляпы, а деревья помельче и кусты — поля этой шляпы.

В глуши леса много было грибов и ягод.

В поле стояла жара. Но как только вошли в густой лес, повеяло прохладой. Было там тихо: ни одна ветка, ни один листочек не шевелились, греясь на утреннем солнце.

— Дети, не расходитесь далеко,— предупредила Мария Александровна.

Младший брат Митя пошел за Володей.

— Нет у меня корзины,— сказал он.— Я в твою буду складывать.

Не успел Володя оглянуться, как в его корзине ярко закраснели два мухомора.

— Митя, эти грибы не бери, они ядовитые,— сказал он, вытряхнув мухоморы в траву.

Но Митя спокойно подобрал их и снова положил брату в корзину.

— А я хочу взять их. Они красивые.

Только тут Володя понял, как трудно будет ему с маленьким братом в лесу. Еще, чего доброго, начнет ядовитые мухоморы есть... Они ведь и вправду на вид красивые.

Володя отвел Митю к Марии Александровне. Мать обрадовалась:

— Митя! Совсем потеряла тебя. Иди-ка, научу, какие грибы можно брать, какие нельзя. А ты, Володюшка, иди. Но только, пожалуйста, сразу откликайся, когда буду звать.

— Хорошо, мамочка. Я буду недалеко.

Володя был хорошим грибником. Зоркие глаза его заглядывали под каждый куст. Он отличал коричневые

шляпки грибов от коричневых опавших листьев, издали видел яркие головки подосиновиков, толстые белые ножки боровиков под елками.

В то же время Володя умел видеть в лесу многое другое.

Вот сосновая шишка упала к его ногам. Он долго смотрит на вершину и вдруг примечает рыжую белочку. Она притихла, прижавшись к шершавому стволу, и настороженно смотрит на Володю.

Он терпеливо ждет, когда белочка успокоится.

И вот она вскакивает на сучок, с него перелетает на гибкую ветку и, качнувшись, плавно, как птица, летит на соседнее дерево. На землю падают сосновые шишки, сухая хвоя и тоненькие лоскутки сосновой коры.

Проводив белочку взглядом, Володя направился в глубь леса. Но вскоре он остановился. Где-то справа застучал в дерево дятел.

Вот он! Цепко вонзил коготки в сухой ствол дерева и долбит носом по коре часто-часто, будто на швейной машинке строчит. А вокруг дятла вьется еще какая-то птаха-певунья. Да это зяблик!

Заслушавшись, Володя невольно вспомнил о клетке, оставленной дома, в Симбирске. И совсем не потому, что ему захотелось поймать резвого зяблика. Нет! Прошлой зимой он ходил с мамой в Симбирске на рынок, покупал чижей, синиц, щеглов и сажал их в клетку. Птички постепенно привыкали жить в неволе, начинали петь. А весной

Володя выпускал птиц на волю.

Однако прошлой весной случилось несчастье. Птичка, сидевшая в клетке, вдруг нахохлилась, притихла, перестала клевать зерна. Утром ее нашли мертвой. «Это я погубил ее»,— подумал Володя и горько заплакал.

Мама, братья и сестры утешали огорченного мальчика. Немного успокоившись, он сказал: «Никогда не стану держать их в клетке».

Мама унесла пустую клетку в чулан, и больше о ней не вспоминали...

— Во-ло-дя-а! — слышится голос матери.

— Ау, мама, я здесь! — громко отвечает он и чувствует себя виноватым: загляделся, размечтался... У всех, вероятно, полные корзины грибов.

Он идет на голос Марии Александровны, а грибы не пускают: как нарочно, попадаются хорошие, крупные, совсем не червивые боровики. Володя срезает их под корень и складывает в корзину.

«Видно, так я совсем от своих отстану»,— решает он и торопливо идет по лесу.

Догнал он своих на солнечной поляне, заросшей белыми ромашками.

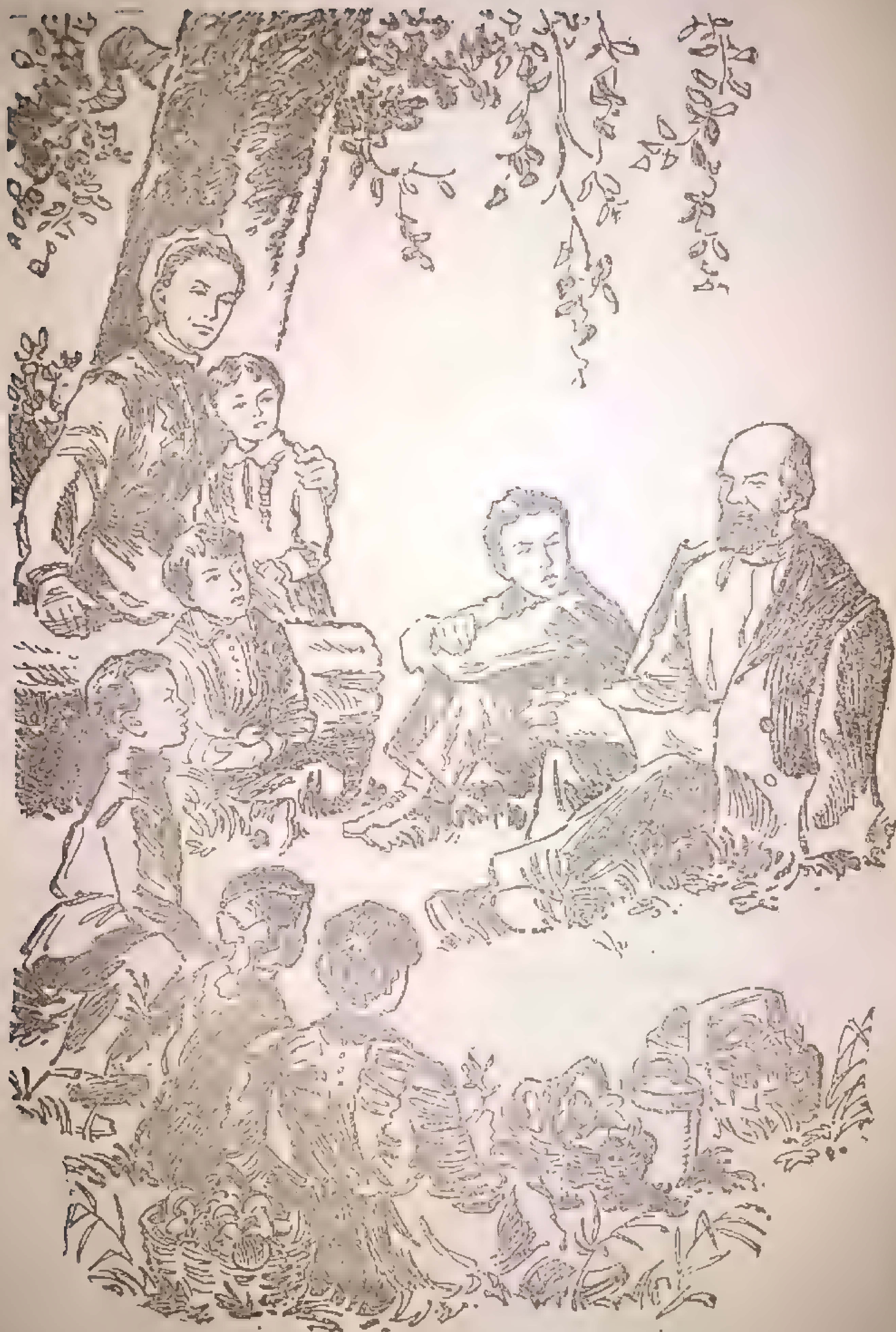
Илья Николаевич расстелил клетчатый плед, который носил на плече. Мария Александровна раскладывала еду. Саша, Аня, Оленька и Митя ходили по лесной поляне, лакомясь душистыми ягодами земляники.

Наконец, мать созвала всех. Каждый получил кусок хлеба, яйцо всмятку, пакетик свежих вишен.

Когда кончили есть, отец предложил:

— Расскажите, кто что видел в лесу кроме грибов.

Митя видел мышку. Оля слушала пение красивой пестрой птички. А Саше совсем повезло: видел он, как вдали пробежали два лося.

Рассказал и Володя о белочке и дятле.

Потом сложили собранные грибы в одну корзину. Она была полной до краев и оказалась такой тяжелой, что Митя никак не мог оторвать ее от земли.

— Славный будет суп! — воскликнул Илья Николаевич. Затем высыпал из бумажного кулечка на траву мухоморы.

— А что же мы приготовим из грибов, собранных Митей? — спросил он.

Дети готовы были рассмеяться, но выручил Митю Володя.

— Не бросать же их. Положим дома на тарелочки, посыплем сахаром, и будут Митины грибы мух морить!

Младший брат обрадовался. Не зря, выходит, набрал он так много красных мухоморов. Они тоже пригодятся.

ПЕСНИ БАХАВИ

Смуглого татарского мальчика Бахави знали в Кокушкине все от мала до велика. Знали потому, что рано утром и вечером, на заходе солнца, Бахави в черной тюбетейке, в широченных штанах, босой, с длинным-предлинным кнутом на плече проходил из конца в конец деревни. Утром он собирал стадо, вечером помогал крестьянкам загонять коров и непослушных коз во дворы.

Бахави был круглым сиротой. Взял его в подпаски пастух Антон — высокий, неразговорчивый старик. Жил Бахави у пастуха в его маленькой избушке.

Никто из ребят не знал, что пастушонок ест, никто никогда не видел на нем новой рубахи, каких-нибудь, хоть потрепанных, башмаков. Зато все знали: у Бахави доброе сердце.

В Кокушкине жило много татар, и все они, как могли, помогали сироте. Одна хозяйка даст ему кусок ржаного хлеба, другая — плеснет в кружку молока парного: «Кушай, Бахави, кушай!» А Бахави непременно

поделится подарком с друзьями. Всегда полуголодный, пастушонок знал, как вкусен свежий хлеб, как приятно пить молоко.

Володя Ульянов и его двоюродный брат Коля Веретенников хорошо знали Бахави. Да и сам подпасок, увидев Володю, каждый раз весело кричал ему:

— Володя, Володя! Песни петь будем!

А пел Бахави замечательно. Сядет на траву, подберет ноги под себя, закроет глаза и, медленно раскачиваясь, поет грустную татарскую песню. Голос у него чистый, звонкий. И хоть слова непонятны — песня волнует слушателей.

— О чем эта песня? — спрашивает Володя.

Бахави тотчас же рассказывает:

— Маленький, бедный татарский мальчик. Обижают его, бьют. Когда вырос он, его заставили работать на барина. Потом отдали в солдаты. А в солдатах опять его бьют и обижают.

Пересказав содержание песни, тут же запевает другую, более печальную.

— Бахави, а эта песня о чем?

— О девочке, у которой нет родителей. Она жалуется, что ей тяжело жить.

— Бахави, ты ведь тоже сирота.

— Я не девочка, я мужчина, и мне легче.

— Послушай, Бахави,— говорит Володя,— а есть татарские песни веселые?

В глазах Бахави сверкает озорной огонек:

— Есть. Мало-мало есть!

— А почему же мало?

— Какая жизнь — такая песня.

— Спой нам одну веселую.

— Слушай. Про хозяйку.

Бахави подымается и запевает, изображая то, что происходит с хозяйкой. По движениям певца слушатели понимают, о чем говорится в песне.

Бахави поет о нерасторопной хозяйке — она пытается делать сто дел сразу, и все у нее из рук валится. Вот ушло тесто из корчаги. Не успела его собрать, как теленок изжевал ей подол. Отогнала теленка, а в печи молоко из горшка побежало. Выхватила горшок, обожгла руки, и пока дула на пальцы, собака забежала в избу, схватила мясо, и теперь хозяйке пирог не с чем стряпать... Ой, горе, ой, беда!

Песню ребята слушали, покатываясь от смеха. Озорные глазенки Бахави блестели, когда он изображал все переживания хозяйки: то испуг, то боль, то ужас. А ритм песни был до того бодрый и четкий, что слушатели невольно приплясывали.

— Молодец, Бахави! — похвалил его Коля Веретенников.— Тебе в театре бы выступать.

— Да-а, ты, Бахави, артист! — подтвердил Володя.— Только негде выступать. В Казани татарского театра нет, а в Кокушкине — подавно.

— Какой талант пропадает! — пожалел Коля.

— Почему пропадает? — удивился Бахави.— Не пропадет. В солдаты заберут — я и там петь, плясать буду.

— В солдатах напляшешь! — заметил один из кокушкинских мальчишек Алеша Свиягин.— Вон дядя Флегонт вернулся домой такой больной, что и работать не может. А был знаменитый плотник. Теперь же и топора держать не может — совсем нет сил.

— Ничева,— не унывал Бахави.— Не пропадем. Вот слушай...

И снова залился он соловьем. Но в это время пастух Антон выскочил из-за кустов и закричал на мальчика, мешая русские слова с татарскими. Однако всем было понятно: случилась беда. Ребята глянули вдаль и увидели: пока Бахави пел, коровы зашли на поле и вытаптывают посевы.

Ребята бросились помогать Бахави, но пастух Антон погрозил им своим кнутом: не смейте лезть не в свое дело!

А кнут Бахави уже звонко щелкал в воздухе. Коровы боятся этих резких щелчков и сами убегают с овсяного поля.

Володя Ульянов, шагая по свежей траве к дому, внимательно смотрит то на свои, то на Колины ботинки.

— Ты что, Володя?

— Попрошу разрешения у мамы отдать свои ботинки. У меня еще другая пара есть, а Бахави совсем босой...

На следующее утро, выгоняя коров, кокушкинские хозяйки удивились: Бахави нес ботинки. Он связал концы шнурков и повесил ботинки на шею.

— Где же ты взял их?

— Один русский друг подарил,— ответил Бахави.

— А что же ты не обуваешь?

— Зимой надену, когда холодно будет. Хорошие ботинки. Беречь надо.

ЗАРАБОТАННЫЙ ХЛЕБ

Семья собралась обедать, а восьмилетнего Володи все не было.

Мария Александровна любила порядок. Если обед — все должны сидеть за столом. Если настало время сна — все должны быть в своих постелях.

Дети Ульяновых соблюдали эти правила.

Маленький Митя посмотрел на пустой стул, где обычно сидел Володя, и подумал: «Володе от мамы попадет».

— Олюшка,— повернулся Илья Николаевич к дочери,— сбегай в беседку, позови его. Володя, конечно, там. С книгой засиделся.

Оля побежала в сад, к зеленой беседке, стоявшей под старыми липами.

Но в беседке пусто.

Девочка заглянула на поляну в парке, туда, где стояла длинная скамья. И там брата не было.

Не хотелось возвращаться в столовую без Володи. Оля побежала к пролому в изгороди усадьбы. Там они с Володей часто пролезали, чтобы выйти в деревню, к мальчишкам и девчонкам.

Обжигаясь о крапиву, спотыкаясь об узловатые корни деревьев, она бежала в самый глухой угол парка.

Именно тут и повстречался ей Володя.

— Опоздал я? Ты за мной?

— Конечно. Мама сердится. Где ты был?

— Я, Оля, работал.

— Ра-бо-тал? — изумилась Оля.— Интересно, что же ты делал?

— Укладывал дрова. Дядя Михей попросил меня и своего Яшу сложить их в поленницу.

— И вы сложили?

— Конечно! Знаешь, какая поленница вышла? Вот! — и Володя поднял руку над головой.

Оля заметила, что в руке держит он что-то круглое, серое.

— Что у тебя?

Володя протянул руку сестре.

— Хлеб. Дядя Михей угостил меня. Сказал: «Тебе вот за работу».

— Володя,— сказала сестра,— дай попробовать.

— Побежим. Нас ждут.

В столовую дети прибежали запыхавшиеся. Оля с порога крикнула:

— Мама, Володя заработал свой хлеб!

Володя подошел к столу и положил хлеб на скатерть.

— Мамочка, извини. Я помогал дяде Михею.

И снова рассказал, как было дело.

— Не развалится ваша поленница, работники? — спросил отец.

— Нет. Мы каждое полено уложили плотно...

— Что ж, молодцы. Иди, мой руки да садись обедать, рабочий человек,— улыбнулся Илья Николаевич.

Когда Володя снова появился в столовой, Мария Александровна подала ему нож.

— Угощай заработанным хлебом.

Володя разрезал толстый ломоть на кусочки.

Маленький Митя первым откусил кусочек, пожевал его и сморщился:

— Невкусно...

Серые, шершавые кусочки были похожи на сырую глину, в которую добавлена мелко изрубленная солома.

— Ты посоли его,— посоветовал отец.— Соленый он вкуснее.

Илья Николаевич попробовал хлеб и тяжело вздохнул.

— Сколько лет езжу по деревням,— сказал он,— и всюду едят крестьяне такой вот хлеб из черной муки пополам с мякиной.

Он доел свой кусочек.

— Ну, спасибо, Володя. Хороший твой хлеб. Трудовой. Заработанный.

СТОЛИЧНЫЙ ГОСТЬ

В доме Ульяновых появился важный гость. Он приехал из Петербурга. Служил этот человек в министерстве просвещения и приехал проверять школы Поволжья.

Такого человека нельзя было не пригласить. Инспектор народных училищ Илья Николаевич позвал его к себе в дом.

Приезжий держал себя важно, громко рассуждал о просвещении молодежи. Дорогие царские награды — кресты, ордена — ярко блестели на его мундире.

Сидя за обеденным столом, Володя впервые видел чиновника из министерства. Этот большой, грузный, чисто выбритый и напомаженный человек отличался от жалких чиновников, неряшливо одетых, вечно куда-то спешащих, которых Володя встречал на улицах Симбирска. Глядя на гостя, Володя подумал: «Так, наверное, выглядит сам государь-император».

Илья Николаевич частенько подливал гостю настойки. Тот пил охотно. Лицо его зарозовело, потом покраснело и вскоре стало даже багровым. Но держался он чинно, говорил рассудительно.

После очередной выпитой рюмки, закусив маринованным грибком и вытерев салфеткой свои пухлые губы, гость поинтересовался:

— Как у вас, уважаемый Илья Николаевич, с преподаванием закона божия? Все ли дети крестьян и мещан посещают церковь?

Илья Николаевич смущенно улыбнулся. Он всегда был правдив. Сказал правду и на этот раз.

— Успеваемость по закону божию отменная. Да, да. Но вот церковь гимназисты посещают неохотно.

После таких слов Ильи Николаевича с гостя вдруг слетела вся напыщенность и благочинность. Он еще больше побагровел. Уставившись на Володю (видимо, потому, что сидел тот за столом в гимназической форме), чиновник свистящим голосом изрек:

— Сечь их, сечь надо! Розги укрепят веру в бога!

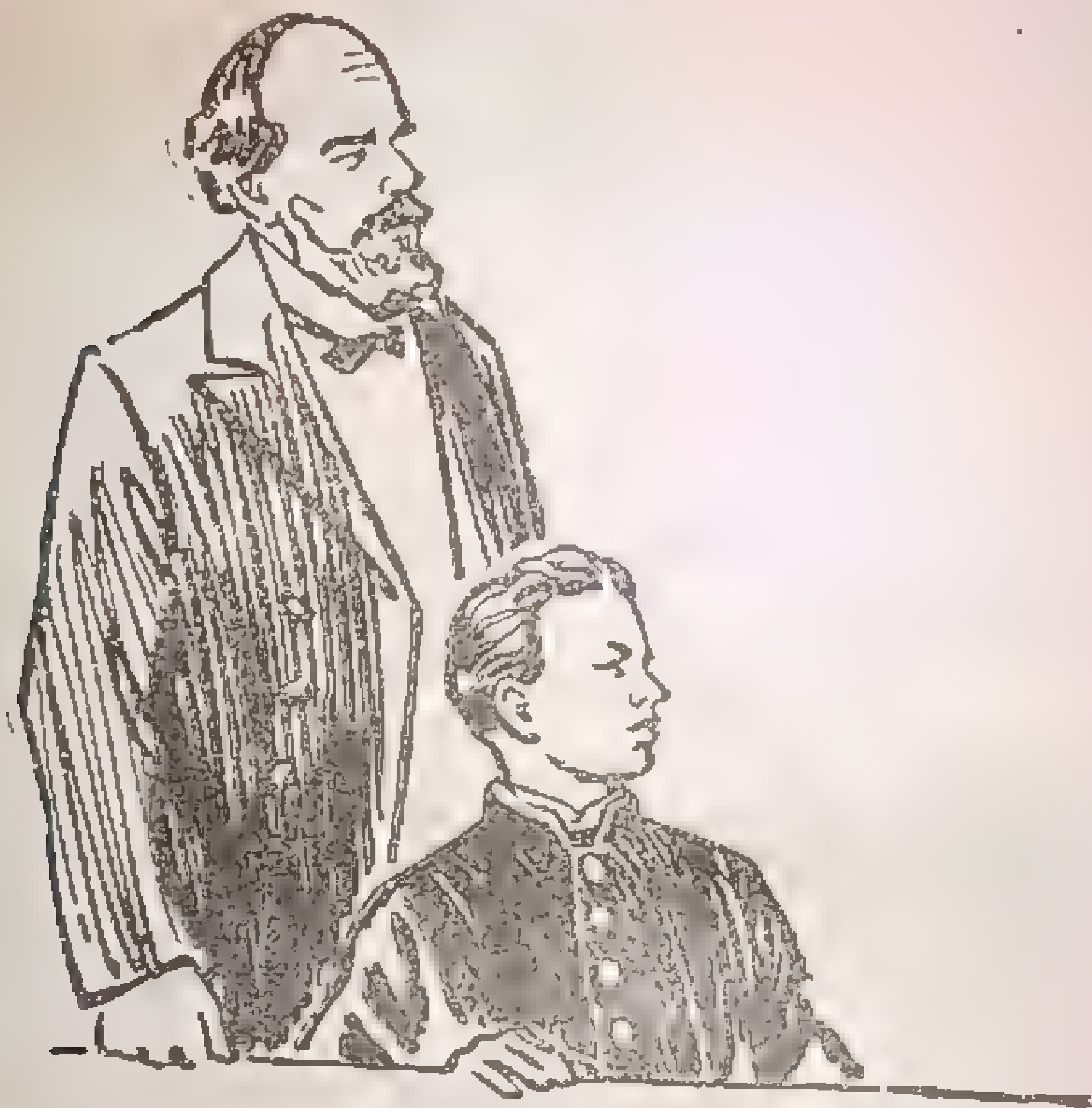
Володю как огнем обдало.

Так вот он какой, этот важный чиновник, увешанный орденами! Володя глянул на его сверкающий мундир и снова почему-то подумал, что гость, наверно, похож на самого императора.

Володе стало тошно сидеть за столом. Он поднялся и вышел во двор.

Гость почувствовал, что высказался при юном гимназисте слишком откровенно. Испытывая легкую неловкость, он спросил:

— А что это, Илья Николаевич, ваш сынок так поспешно бежал из-за стола?

— Скучны ему, наверное, разговоры стариков,— ответил Илья Николаевич.

А Володя, расхаживая в глубине двора, вполголоса твердил одно и то же слово: «Свинья! Свинья! Свинья!»

«И такие свиньи твердят нам о правде, справедливости, о гуманности,— думал он.— Да если бы с него снять ордена, раззолоченный мундир и накрахмаленную сорочку, то на свет предстал бы самый обыкновенный орангутанг! Сечь неверующих в бога, розгами укреплять веру... Ах, свинья!»

Мелькнула мысль: «И я должен еще носить на шее крестик, этот знак моей веры в бога? Ну, нет!»

Володя расстегнул пуговицы форменной куртки, распахнул ворот и, взяв серебряный крестик, дернул его. Цепочка больно врезалась в шею, но тут же лопнула. Володя, не глядя, швырнул крестик в заросли крапивы.

«Значит, если я не верю в бога, меня сечь? — думал он.— Многого вы добьетесь розгами. Как же!»

После того случая, как только заговорят о боге, Володя вспоминал гостя в орденах, его выпученные глаза и свистящий голос: «Сечь их, сечь надо!»

СЛОВО, ДАННОЕ МАТЕРИ

Многие студенты-новички учились курить. Хотелось им походить на старшекурсников. Человек с папиросой — это уже совсем взрослый, настоящий мужчина.

В продымленной курилке они щеголяли друг перед другом яркими папиросными коробками, новенькими портсигарами.

Первокурсник Ульянов был юношей рассудительным, но и тот не утерпел — начал курить.

Отправляя сына по утрам в университет, Мария Александровна давала ему денег на завтрак. Это было немного — ровно столько, чтобы хватило на стакан чая и булочку.

Иногда Володя вынужден был оставаться без чая — деньги уходили на папиросы.

Дома, в тесной квартире, Володя не курил. Стеснялся матери, сестер. Знал, что им не понравится его новая привычка.

Но случилось раз — не утерпел: читая увлекательную книгу, выкурил несколько папирос. Пепельницы не было. Согнул он коробочкой вырванный из тетради лист и сложил туда все окурки.

Неожиданно за его спиной послышался голос матери:

— Володя, ты куришь?

Уши у него стали красными. Не оглядываясь, он ответил:

— В университете все курят, мама.

В комнату вошла Ольга. Увидев окурки на столе, удивилась, потом головой покачала.

Володя молчал. Он сделал вид, что продолжает читать, но, глядя в книгу, не видел строк. Не трудно было догадаться, что сейчас думают мать и сестра. Табак ему вреден. Крепким здоровьем Володя не отличался ни в детстве, ни в юношескую пору. Однако... надо же когда-то ему стать взрослым и суметь постоять за себя!

Володя решился на то, чего никогда не делал: он поднялся и начал возражать сестре и матери.

— Я знаю: вы скажете, что никотин вреден, что курение притупляет мысль и так далее. Но у нас в университете курят все.

— Володя, какое нам дело до всех? — сказала Мария Александровна, присаживаясь на стул.— Я хочу серьезно поговорить с тобой о твоем здоровье. Ты подумай сам...

— Извини, мама, я думал об этом,— перебил ее Володя.— Ничего страшного не будет!

В глубине души Мария Александровна понимала, что с Володей разговаривать о вреде курения бесполезно. В таких случаях каждый молодой человек полагает, что лично ему эта привычка вреда не принесет. Ему хочется побыстрее выглядеть взрослым...

«Тут надо найти какую-то иную зацепочку»,— решила Мария Александровна.

— Послушай, Володя, на какие же деньги ты покупаешь папиросы?

Он ответил не сразу. Прикусив губу, на минутку задумался.

— Папиросы я покупаю на деньги, которые даешь на завтрак...

— Вот это мило! — воскликнула Ольга.— Ему дают на еду, а он их тратит на табак! Себе во вред...

— Подожди, Оля,— вмешалась Мария Александровна.— Польза — вред... Бесполезный разговор... Я вот что хочу сказать, Володя. Пенсия, которую мы получаем, невелика. Поэтому лишних трат, пусть хотя бы копеечных, ты себе позволить не можешь. Вот будешь зарабатывать сам — тогда пожалуйста. Понял меня?

— Да.

Володя подумал немного и твердо сказал:

— Я не буду курить, мама.

Он скомкал свою пепельницу из бумаги, вышел на кухню и бросил окурки в мусорное ведро.

— Спасибо, Володя,— сказала мать, удаляясь в гостиную.

Вернувшись в комнату, он увидел, как Ольга открывала форточку. Сестра была веселой, оживленной, будто и не было тяжелого разговора.

— С чего ты вдруг развеселилась?

— Я рада. За тебя. За твое решение. Только теперь

доказал, что поистине ты уже взрослый человек. И я поздравляю.

Ольга выпорхнула из комнаты брата.

В крохотной гостиной сидела Мария Александровна. Дочь опустилась рядом на маленький стул.

— Я считаю, мама, что Володя бросил курить навсегда.

— Конечно же, Олечка. Если он слово дал, значит, решение твердое.

Утром в длинном университетском коридоре Володя повстречал своего земляка-студента. Сунув ему в руку почти полную пачку папирос, он сказал:

— Держи, приятель. Насовсем.

— Не можешь привыкнуть?

— Нет, не могу...

Позже, узнав, что Марии Александровне удалось отучить Володю от курения, Аня сказала:

— Мама, ты совершила чудо! Как же тебе удалось это?

— Признаюсь, Аня, сама не верила, что уговорю. Вижу, никакие доводы не действуют. Конечно, довод о расходах был моей последней зацепкой. И хорошо, что подействовал. Я так рада!

НЕВРУЧЕННОЕ ПРОШЕНИЕ

Несколько событий произошло в жизни Володи Ульянова в один и тот же день — 4 декабря 1887 года. Утром он был еще студентом Казанского университета, к вечеру стал бунтарем, а ночью — арестантом.

В это время семья Ульяновых жила в доме хозяйки Соловьевой на улице Ново-Комиссариатской. Володе Мария Александровна отвела небольшую, но уютную комнатку.

...И вот поздним вечером 4 декабря Володя сидит в этой комнатке, вспоминая все, что произошло в университете.

Вспомнил он растерянного ректора университета Кремлева, у которого был незастегнут мундир на верхнюю пуговицу. Его белые руки, сжимавшие какую-то бумажку, мелко дрожали.

Да, нагнали студенты страху на ректора!

Володя спрашивает себя: «Надо ли было устраивать сходку?» И без колебаний отвечает: «Надо!»

Незадолго до этого полиция и войска жестоко избили студентов Московского университета. Во время этой расправы два студента были убиты.

Казанские студенты решили тогда подготовить свое выступление. Они протестовали против расправы над московскими собратьями, а заодно и против нового устава университетов, по которому студенты лишались права на сходку и собрание.

Володя помнит, как разгорячен был он все дни, пока шла эта подготовка. В тесной курилке, куда не заглядывало начальство, студенты передавали друг другу листовки, обсуждали порядок и время сходки.

Студент Гудков, земляк Володи, как-то предупредил его:

— Послушайте, Ульянов. Действуйте поосторожней. В случае беды вам припомнят вашего брата. Вы пострадаете больше, чем любой из нас.

Гудков напомнил о том, как трудно было ему, Володе Ульянову, поступить в университет — незадолго до этого его старший брат Александр был казнен за участие в покушении на императора.

Именно поэтому Володе запретили поступать в Московский и Петербургский университеты. Брату революционера, дескать, не место в столичных учебных заведениях. На одном из его заявлений было написано: «Уж не брат ли он того Ульянова?» И далее следовало заключение — ни в коем случае не принимать. А сколько характеристик требовали на него из гимназии, где он

учился! Малейшую зацепочку искали, чтобы только придраться и отказать в приеме.

И теперь, когда он стал учиться в Казанском университете, за ним, конечно, следят постоянно. Каждый его поступок оценивают особо: это ведь брат Александра Ульянова, казненного за покушение.

Что же теперь делать Володе? Уйти от непокорной и дружной семьи студентов? Мириться с несправедливостью? Нет, нет и нет! Напрасно ему советуют быть осторожным.

— Ошибаетесь, друг мой,— ответил Володя Гудкову.— Судьба брата не смиряет, а вдохновляет меня...

Сидя возле керосиновой лампы, фитиль которой прикручен и слабо освещает стол, он припоминает, как сегодня в полдень по всему университету пронесся клич: «На сходку! На сходку!» и как из аудиторий выбежали студенты, побежали к актовому залу. Преподаватели, прижатые к стенам коридоров, растерянно спрашивали: «Что же это, господа? Куда вы?»

Студенты, среди которых был и Володя Ульянов, нажали гуртом на дверь актового зала. Дверь тотчас распахнулась.

Разгоряченные молодые люди заполнили зал — некоторые вскочили на кафедру, на кресла, на подоконники. Говорило сразу несколько человек.

Инспектор Потапов, которого так ненавидели студенты, ворвался в актовый зал и крикнул грозно:

— Требую разойтись, негодяи!

— Не пугайте!

Высокий студент ударил его кулаком по лицу. Инспектор и его помощник убежали.

— Ректора! — требовали студенты.— Ректора!

И вскоре появился Кремлев. Но уговоры его ни к чему не привели. Студенты вручили ректору свою петицию.

В зале не смолкали шум, крики, призывы к восстанию.

Сходка длилась четыре часа.

Ректор наконец пригрозил: если студенты не разойдутся, в зал будут введены солдаты. Как можно выразить протест против такой угрозы?

В толпе раздался выкрик:

— Друзья! Братья! Против штыков мы пока что бессильны. Уйдем, но в знак протеста против засилья и произвола оставим здесь наши входные билеты.

Один за другим полетели на стол студенческие удостоверения. Оставил свой входной билет и Владимир Ульянов.

Теперь, вспоминая об этом, Володя морщится. «Мы поступили, как дети,— думает он.— Оставили университетскому начальству и жандармам свои фамилии, адреса... Им и гадать не придется, кто был активным участником сходки — бери оставленные входные удостоверения и вылавливай всех, одного за другим».

Подумав, Володя все же решает: «Нет, билеты выложили не зря. Пусть начальство знает, кто бунтовал, кто выразил свой протест. В конце концов, кроме студентов было в актовом зале немало доносчиков. Они запомнили каждого в лицо. Зачинщиков сходки найдут и без входных билетов».

«Но что же это? — спохватывается Володя.— Оставив свой билет, я сказал только «а». Надо сказать и «б» — надо показать ректору и всем чиновникам от науки, что я не просто вернул им свой билет — а вообще не считаю себя студентом императорского университета. Нужно сейчас же написать прошение о том, чтобы меня отчислили. Да, да! Надо быть честным и смелым до конца».

Володя поворачивает ребристое колесико лампы, увеличивая свет, берет лист бумаги, перо и пишет:

Его Превосходительству
господину ректору
Императорского
Казанского университета
Студента I-го семестра юридического
факультета Владимира Ульянова.

ПРОШЕНИЕ:

Не признавая возможным продолжать мое образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского университета.

Студент I-го семестра юридического
факультета Владимир Ульянов.
Казань. 5 декабря 1887 года.

Володя перечитал написанное и задержался на словах: «покорнейше просить Ваше Превосходительство». Бунтарь покорнейше просит... «Как же! — он улыбнулся.— Жди от меня покорности... Утром пойду в университет, к Его Превосходительству и положу ему прошение на стол»...

Володя свертывает лист бумаги вчетверо и засовывает в карман форменной куртки.

В дверь застучали. Но стучат, видимо, не гости, не приятели — дверь ходуном ходит.

«За мной»,— решает Володя.

Полицейский пристав появляется в дверях его комнаты.

Володя прежде всего подумал о матери, для которой арест второго сына — тягчайший удар. Затем о сестрах, перепуганных поздним визитом пристава. Потом — о товарищах, которых сейчас, вероятно, так же хватают полицейские. И, наконец,— о только что написанном прошении. Неужели прошение так и не удастся вручить его превосходительству? Может, незаметно бросить на пол? Тайком передать его маме? Нет, пусть оно при мне останется.

В тюрьме Володю переодели в казенную одежду: выдали нижнее белье, темно-серый халат.

Когда заключенных увели в камеру, надзиратели тщательно проверили оставленную арестованными домашнюю одежду. Все, что было найдено в карманах, записывалось в особую ведомость. Любая бумажка могла послужить вещественным доказательством причастности заключенного к совершенному преступлению.

Старший надзиратель сидел за столом и внимательно просматривал все, что было найдено в карманах арестованных.

В куртке Ульянова нашли прошение. Старший надзиратель, прочитав его, усмехнулся:

— Этот просит изъять его из числа студентов! Уже изъяли, голубчик, изъяли!

Он отложил прошение в сторону, решив потом отослать его в университет.

«Его Превосходительство» господин Кремлев прошение студента Ульянова не видел. Секретарь, принявший это прошение от полицейского, сунул бумагу в папку и сдал в архив.

Мы, вероятно, никогда не узнали бы о прошении Владимира Ульянова, написанном перед арестом. Архив огромен. За сто лет в нем скопились миллионы различных документов.

Несколько лет назад, разбирая несметные залежи архивных документов, один казанский историк обнаружил груду слежавшихся бумаг и стал перебирать их. Здесь и лежало прошение, написанное Владимиром Ульяновым ночью на 5 декабря 1887 года.

В ТЮРЬМЕ

Тюрьма в Казани стояла на крутом обрыве, под стеной Кремля. Громадная стена как бы нависала над серым тюремным зданием.

Ночью 5 декабря 1887 года в одной из камер-одиночек этой угрюмой тюрьмы на берегу Казанки появился новый арестант — Владимир Ульянов.

Когда за его спиной лязгнул тяжелый засов и с железным скрипом щелкнул замок, Володя осмотрелся.

Так вот она какая, тюремная камера! Пахнет плесенью, мышами. Высоко под самым потолком — окно, забранное толстой железной решеткой. Серые стены, покрытые пятнами плесени. Узенькая койка, привинченная к полу. Табуретка, тоже намертво ввинченная в пол...

Володя сел на табуретку. Ему представился брат Саша, казненный в Петербурге нынешней весной. Саша томился там в такой же сырой и холодной камере. Видел такие же безнадежно-серые стены, окошко, забранное решеткой, такую же дверь, закрытую наглухо...

В коридоре послышался топот ног. Мимо камеры прошло несколько человек. Шли не в ногу, нестройной толпой.

«Может, ведут наших, университетских?» — подумал Володя. Он встал, подошел к двери, приложил к ней ухо. Нет, разговоров не слышно. Только удаляющиеся шаги.

Что с его товарищами по сходке? Неужели все арестованы? Ведь их, оставивших билеты на столе, было много — сто человек, а может, и больше. Почему же здесь так тихо? А, вот оно что! Слишком толстые стены...

Который час теперь? Должно быть, скоро утро. Но, странно, спать совсем не хочется. А дома как? Наверное, волнуются, тоже не спят... Лучше не думать об этом. Надо быть готовым к тому, что предстоит. В любую минуту может заскрипеть замок, зазвенеть тяжелая накладка, дверь камеры откроется, и надзиратель крикнет: «На допрос!»

Но до утра не скрипел замок, не звенела накладка. Володя забылся тяжелым сном. Спал он, сидя на койке, откинувшись к холодной стене.

Утром в замочной скважине заскрежетал железный ключ.

— Выходи с вещами! — объявил надзиратель.

Володя не стал спрашивать, куда его ведут,— надзиратель не скажет. Надо молча следовать за ним, и все.

Мрачные, тускло освещенные переходы. Каменные скользкие ступени лестницы. Откуда-то доносится шум. Ближе, ближе.

Надзиратель останавливается перед железной дверью, за которой слышатся разговоры, открывает ее и жестом приказывает войти.

— Ульянов здесь! — доложил он и, пропустив арестованного, захлопнул дверь.

В большой общей камере собраны все, кто был вчера на сходке.

Студент Корнилов похлопал Володю по плечу:

— Ну, как, брат? Жив-здоров?

Ульянов пожал плечами.

— А вы?

— Мы веселимся. Песни поем, надзирателям не даем покоя.

Володя сел на скамью, запахнул просторный, совсем не греющий арестантский халат.

Студенты, сгрудившись, поют вполголоса. Песня заунывная, грустная.

— Друзья! — кричит кто-то в углу.— Начинаем проводить устный опрос. Каждый сейчас должен ответить, как он будет жить после тюрьмы. Кто первый?

Прервалась песня. Все притихли. Каждый представил, какие могут быть последствия вчерашней сходки. Многих дома не погладят по головке. В университет, конечно, после тюрьмы никого не допустят.

Молчали долго.

Тогда уговорились вызывать по фамилиям. Тут уж отмолчаться нельзя.

Володя внимательно слушал своих товарищей. Многие ответы его удивили.

Краснощекий крепыш, на лице которого за ночь пробилась черная щетина, беззаботно сказал:

— Об этом позаботится мой отец. Я, думаю, не пропаду.

Второй, печальный, с напряженно сдвинутыми к переносице бровями, выдавил с трудом:

— А я пропал... В семье у нас все работают. Не до меня им. Кому я теперь нужен?

— А я государю-императору подам прошение! — выкрикнул юркий паренек.— Государь-император узнает, как издеваются над нами казанские власти, он им пропишет ижицу! А нас вернет в университет.

Послышались возгласы:

— Жди, как же!

— Орден святого Владимира даст!

— Держи карман шире!

Когда крики утихли, очередной студент мечтательно проговорил:

— Эх, было бы нас, друзья, побольше! Поднять бы нам всю Казань, всю Россию... Жаль, что мало. Растопчут, сомнут, уничтожат...

Слушая товарищей, Володя Ульянов невольно вспомнил свой короткий разговор с полицейским приставом, который вез его на извозчичьих санках в тюрьму.

Пристав несколько раз по дороге заглядывал Володе в лицо. Слишком уж юным показался ему этот мальчик-студент. Пристав помнил старую арестантскую поговорку: «В тюрьму дверь — как ворота, из тюрьмы — как тараканья щель». А этот вот горячий петушок, студент Ульянов, которому предстояло заключение, вероятно, и не представлял, на что поднял руку и что ему придется перенести.

Приставу строжайше запрещено разговаривать с арестованными. Так-то так. Особенно, когда задержан-

ный — убийца, грабитель, матерый вор. А этот паренек — ну, какой он преступник? И, улучив момент, пристав сказал ему:

— Ну, что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами — стена!

— Стена, да гнилая, ткни — и развалится,— не раздумывая, ответил Ульянов.

Пристав замолчал. «Ого! — подумал он.— Паренек-то — кремень! Смотри ты, какая внешность обманчивая!..»

— Ульянов, твоя очередь!

Все повернулись к Володе. Всем интересно послушать, что скажет младший брат Александра Ульянова.

— У меня,— сказал он,— одна дорога. Дорога борьбы.

В окна камеры заглянули робкие лучи неяркого зимнего солнца.

Над Россией вставал новый день.

В ССЫЛКУ

— Ведут! Ведут!

Слово это, произносимое в толпе то громко, вслух, то шепотом, заставило всех вытянуть шеи, привстать на цыпочки. Люди смотрели на казанскую тюрьму.

Издали видно, как из ворот вышла и потянулась по улице длинная колонна. Это шли арестованные студенты императорского университета.

Их продержали в тюрьме два дня. Теперь ведут к месту отправки в ссылку. Бунтарям запретили жить в Казани, в Москве, Петербурге, Киеве — там, где есть университеты. Власти боялись этих мятежных юношей: лучше упрятать их подальше, благо в России глухих углов предостаточно.

Министр просвещения Делянов сказал, что «в казанских студентах играет пугачевская кровь». Надо разо-

гнать их в разные концы необъятного государства — пусть эта кровь поостынет.

О студенческом бунте 4 декабря Казань узнала в тот же день. И сегодня сотни жителей города встречают выпущенных из тюрьмы студентов, как героев.

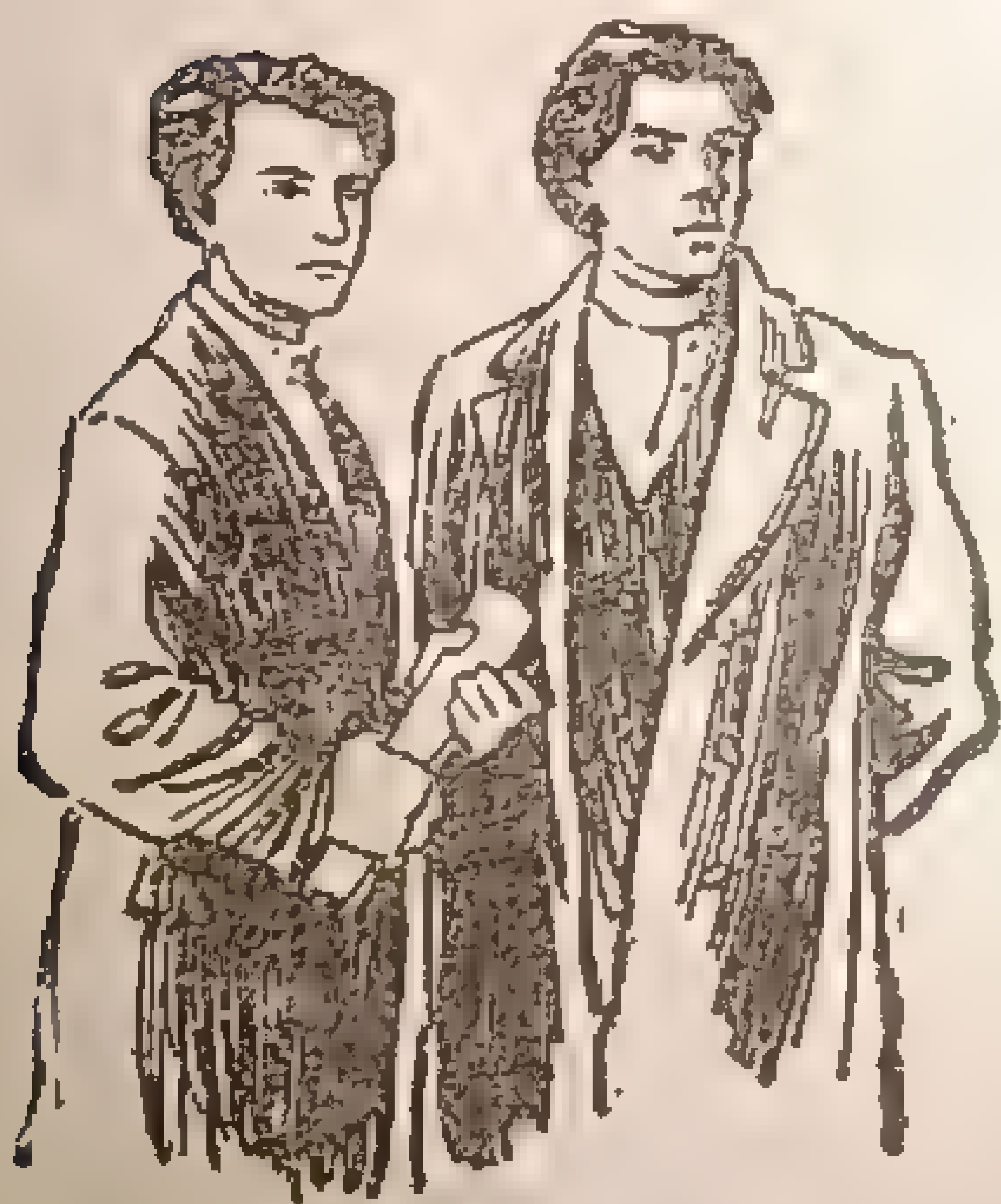
Чем ближе подходят окруженные конвоем ссыльные к длинным шпалерам людей, вытянувшимся вдоль Воскресенской улицы, тем громче голоса в толпе. В длинную вереницу бунтовщиков через головы конвойных солдат летят свертки с конфетами, с печеньем. Юркие гимназисты проскальзывают сквозь конвой и суют в руки студентам деньги, еще накануне собранные ими для передачи. Кидают шубы, рукавицы, шапки. Слышны выкрики, адресованные близким и знакомым:

— Петя, Петя! Мы с тобой! Запомни!

— Сережа! Мы тобой гордимся!

— Костенька, шею прикрой, простудишься!

— Молодцы, студенты!

На углу стоят двое молодых людей. Один из них — высокий, сутулый. Лицо у него скуластое. На уши свисают длинные пряди густых волос. Другой — ростом пониже, в поношенной гимназической шинели. Шинель распахнута, видна белая русская рубаха-косоворотка.

Эти двое тоже, смотрят в сторону приближающихся к ним студентов, ждут их. Высокий, скуластый переступает с ноги на ногу — легкое потрепанное пальто с чужого плеча и рваные сапоги не греют. «Окая» по-волжски, высокий басит:

— Говорят, среди арестованных — брат Александра Ульянова.

— Да, он где-то среди них.

— Вы знаете его?

— Нет. Слышал о нем, но встречаться не приходилось.

— Интересной судьбы человек! — говорит высокий.— Быть братом казненного революционера и самому стать революционером... Это подвиг, Николай.

— Да, паренек, видать, не робкого десятка.

Тем временем колонна студентов потянулась мимо этих двоих, стоящих на углу. Оба жадно всматриваются в лица молодых арестантов.

Вот и последние ряды нестройной колонны, окруженной конвоем. Один студент нагнулся, чтоб завязать шнурок на ботинке.

— Подтянись! — рявкнул конвоир.

Тот пробежал несколько шагов, догоняя своих товарищей.

— Не он ли это? — спросил высокий.

Эти слова услышал рядом стоявший гимназист.

— А вы кого ждали? — поинтересовался он.

— Студента Ульянова.

Гимназист оживился.

— Так вот же он. Слева... Не видите?

Но уже трудно было кого-либо рассмотреть. Маячили только спины студентов.

— Проглядели,— сказал высокий.— А хотелось бы с ним повстречаться. Хотелось бы!

— Ничего, повстречаетесь,— ответил юноша в косоворотке.— Сегодня же.

— Как это?

Юноша кивнул в сторону, и вскоре они очутились на тихой боковой улице.

— Не лицом к лицу, а заочно,— пояснил юноша.— Вам Гурий Плетнев, должно быть, уже говорил, что сту-

денты написали горячее послание «Прощай, Казань! Прощай, университет!»

— Говорил.

— Так вот. Сегодня в подвале дома Плетневых будете размножать с Гурием это послание на гектографе. Согласны?

Пешков улыбнулся.

— Дело знакомое. Там уже не одну листовку «провернул». И даже брошюру Баха размножил. Называется «Царь-Голод». Пришлось ее маленько подправить, но в общем-то брошюра хорошая, бьет в цель.

Юноши спустились вниз, пересекли Проломную и расстались на берегу Булака. Федосеев пошел в сторону фабричной слободы, к озеру Кабан. Пешков, сутулясь, повернул к ночлежке «Марусовка».

Так и не удалось Алексею Пешкову познакомиться в Казани с Владимиром Ульяновым.

Встреча их состоялась много лет спустя, на Пятом съезде партии, в Лондоне.

ЗАВЕТНЫЙ ШКАФ

В Кокушкине зима. Избы чуть не до соломенных крыш заметены сугробами. Вьюга налепила на стволы деревьев снежные подушки. Ветер свистит в плетнях, треплет и стелет по земле дым, выходящий из деревенских труб.

Такой заснеженной и неприветливой деревню Володя никогда не видел. С малых лет родители привозили его сюда из Симбирска на время летних каникул. И потом, вспоминая о Кокушкине, он даже зимой представлял себе деревню в ярком летнем наряде: в зелени трав, в окружении веселых березовых рощ и задумчивых сосновых лесов.

А теперь он приехал сюда зимой, в декабре. На этот раз не на каникулы и не в гости. В ссылку.

Всех студентов, принимавших участие в сходке, исключили из университета и выслали на родину. Родина Володи Ульянова — город Симбирск. Но семья Ульяновых жила в Казани. А здесь Володе оставаться не разрешается. Куда же выслать его?

Мать Володи — Мария Александровна обратилась к властям с просьбой отправить сына в Кокушкино, где в то время жила его тетя — Любовь Александровна Пономарева.

Чиновники полиции поморщились: какая это ссылка — в деревню Кокушкино? Совсем рядом с Казанью, где наверняка у студента Ульянова осталось много друзей и сообщников. Его, брата казненного Александра Ульянова, упечь бы в Сибирь, чтобы навсегда отбить охоту к бунтарству! Но, с другой стороны, и Кокушкино — тоже неплохо. Тут он весь на виду, и если будет снова замечен в каком-нибудь своеволии, тогда из Кокушкина ему одна дорога — в Сибирь.

Итак, первая ссылка. Ссыльному Ульянову нет еще и восемнадцати лет. Во флигеле кокушкинского дома, принадлежавшего деду Володи — Александру Бланку, ссыльный студент занимает комнатку, два окна которой выходят на север. В соседней комнатке живет Анна — его сестра. Тоже отбывает ссылку. Вместе с братом Сашей она была арестована весной 1887 года в Петербурге по делу покушения на царя. Ей грозила ссылка в Сибирь. Но мать кое-как добилась, чтобы далекую Сибирь девушке заменили ссылкой в деревню Кокушкино.

Анна старше Володи. Ей кажется, что для семнадцатилетнего мальчика жизнь в глухой, заснеженной деревне будет особенно тяжелой. Она спросила его:

— Чем думаешь заняться?

— Чтением,— ответил брат.

Аня покачала головой. Чтение — хорошо. За книгой незаметно бежит время. Только что же можно достать в Кокушкине? Библиотеки нет в деревне. Книги есть в соседней деревне — у попа. Но что это за книги? Библия, евангелие...

— Ты, кажется, думаешь: читать здесь нечего,— прищурился Володя.— Угадал твои мысли?

— Угадал.

— А вот идем-ка...

Володя повел ее в дальнюю, совсем неотапливаемую комнату.

— Видишь этот шкаф?

— Ну, вижу. И что?

— Это же волшебный шкаф, Аня.

Он с трудом распахнул будто сросшиеся дверцы. Анна Ильинична увидела, что все полки забиты книгами.

— Чьи ж это?

— Нашего дяди Пономарева. Я уже кое-что выбрал.

Анна Ильинична вспомнила: муж хозяйки дома Пономарев был начитанным человеком — несколько лет работал цензором в городах Воронеже и Перми. А цензор должен внимательно читать все, что печатается в местных типографиях.

Покойный Пономарев кое-что из полученного на цензорское чтение припрятал, потом перевез в Кокушкино. Кроме книг тут были журналы «Современник», «Отечественные записки», «Русское богатство» и «Русская мысль». В этих журналах можно было найти статьи Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева.

Вот какое хранилище книг оказалось в дядином шкафу.

Однако во флигеле, где жили Володя и Анна Ильинична, часто появлялся непрошеный гость. Это был становой пристав — чиновник полиции, которому поручили

следить за Анной Ильиничной, а заодно присматривать и за поведением сосланного сюда ее брата. Он бесцеремонно входил в дом, открывал шкафы, просматривал все книги, какие только попадались ему на глаза.

Поэтому, едва заслышав на крыльце тяжелый топот сапог, Володя и Аня ставили запрещенные книги обратно в шкаф и как можно плотнее закрывали дверцы.

На столике у Володи, на столярном верстаке всегда лежали учебники. По ним он готовился вновь поступить в университет. Тут же были модные романы, которых Аня и Володя не читали. Пусть полицейский думает, что ссыльные занимаются чтением только этих книг.

Самое заветное хранилось в дядином шкафу, запасы которого вскоре были «освоены» до последней брошюрки. Володя читал жадно, быстро и все прочитанное запоминал основательно.

К счастью, появилась возможность получать литературу из Казани.

— Володя, ты бы хоть на часок отложил книгу,— часто умоляла Анна Ильинична.— Посмотри-ка в окно: какой чудесный день!

— Хорошо, Аня, хорошо. Только дочитаю главу. Сегодня задумана прогулка на лыжах, и значит, еще увижу я этот чудесный день.

Оторвавшись от книг, он с удовольствием совершал прогулки по заснеженным аллеям парка, уходил на лыжах за покрытую сугробами Ушню.

В тот зимний день, когда Володя приехал в Кокушкино, ему казалось, что именно здесь будут вспоминаться так ярко дни беззаботного детства, той веселой жизни в гостях у родственников.

Однако воспоминания детских лет вскоре отошли на задний план. Теперь он постоянно размышлял над прочитанной книгой. Все время: за обедом, на прогулке. А долгими зимними вечерами, когда Анна Ильинична, пожелав брату спокойной ночи, пыталась хоть немного

согреться под тонким одеялом в плохо натопленной комнате, у Володи на столе горела керосиновая лампа. В эту позднюю пору он читал самые интересные — запрещенные книги, зная, что ночью, в мороз, пристав не потащится проверять ссыльных Ульяновых.

Позже Владимир Ильич писал:

«Кажется никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа...»

На всю жизнь хорошо запомнился Владимиру Ильичу этот заветный шкаф. Много знаний дали ему книги, припрятанные дядей «на всякий случай».

«ПЕЩУР»

Этот короб из луба — содранной с деревьев и высушенной коры — Володя и его старшая сестра называли «пещур». Квадратный, похожий на ящик, такой же, в каких отправляют посылки, только темный, этот «пещур» обычно стоял в кухне кокушкинского флигеля. Зимой 1887/88 года здесь жили в ссылке Володя и Анна Ильинична. В крышке «пещура» была прорезана щель, а сама крышка запиралась на замок.

Впрочем, не всегда «пещур» можно было видеть на кухне. Раз в неделю почтарь (как называли тогда ямщиков почтовых карет) забирал «пещур» и увозил его в Казань. Там в почтовой конторе замок на «пещуре» открывали и вываливали на стол письма, написанные за неделю Володей и Анной Ильиничной.

Эти письма не сразу рассылались туда, куда их адресовали ссыльные брат и сестра; вначале каждое письмо вскрывал и прочитывал полицейский чиновник. Полиция

следила, не высказывают ли кокушкинские ссыльные бунтарских мыслей, не замышляют ли опять какой крамолы. Только после этого осмотра письма заклеивались вновь и шли туда, куда были адресованы.

А в широкую щель «пещура» опускались другие письма, уже адресованные Анне Ильиничне и Володе. Перед отправкой они тоже тщательно прочитывались полицейскими.

На другой или на третий день «пещур» доставлялся почтовой кибиткой в Кокушкино, письма вручались брату и сестре, а пустой, закрытый на замок ящик оставался на кухне до следующего приезда почтарей.

Однажды, заглянув к брату, Анна Ильинична увидела, что сидит он за столом и что-то пишет.

— Володя, ты очень занят?

— Письмо пишу, Анюта.

Сестра не стала мешать ему.

Через час Анна Ильинична вновь приоткрыла дверь в комнату Володи. Он все еще писал.

Анна Ильинична знала, что Володя не любит писать писем. А если пишет кому, старается быть кратким. Обычно шутя он говорил, что длинные письма пишут те, кому подумать некогда. В Кокушкине, в этом вынужденном безделье, время есть обдумать не только письмо, но и каждое слово, каждую запятую в нем.

А теперь вот он пишет и пишет. По столу разбросаны исписанные аккуратным, четким почерком листы.

— Володя...— начала было Анна Ильинична.

— Не мешай, Анечка, не мешай...— поморщился брат, не поднимая глаз от бумаги.— Чуть позже, прошу тебя. Сейчас я закончу.

Сестра тихо прикрыла дверь. «Любопытно, кому же он пишет?» — задумалась она, бесшумно расхаживая по гостиной.

За окном бесновалась январская вьюга. В плохо

натопленной гостиной было неуютно и сумрачно. Ветер выл в трубе, свистел в щелях дома.

Уже смеркалось. А Володя все продолжал писать.

Наконец он вышел из комнаты, отнес пухлый конверт с письмом на кухню и, всунув его в широкую щель «пещура», возвратился в гостиную. Крепко потирая руки, мимоходом бросил:

— Ну и дал же я им перцу! Пропесочил всех и каждого по первое число!

— Кого это, Володя? — спросила сестра, кутаясь в шаль и плотнее прижимаясь спиной к теплой печке.

— Всех, Анечка, решительно всех. И ректора Кремлева, и Потапова, инспектора, и тюремные, и городские власти Казани. Назвал своими именами всех извергов и душителей.

Анна Ильинична встревожилась: «Какой он еще мальчик! Ведь понимает, что сослан, что полиция следит за каждым его шагом и, уж конечно, за каждым его письмом, а вот вам нате — взял и отколол коленце!»

— Володя, кому же ты написал? — спросила сестра.

Володя, видимо, думал о своем горячем и гневном письме, не расслышал вопроса.

— Ты что-то спросила, Аня?

— Да. Кому адресовано твое письмо?

— Горелову. Мы вместе в гимназии учились. Потом он уехал на Украину. Там поступил в университет.

— Он честный человек?

Володя пожал плечами:

— Не знаю. Но так уж, Аня, вышло. В письме к нему я излил всю душу, рассказал все, все, что произошло у нас в университете, какого тарарама мы задали начальству и «отцам» города Казани. Понимаешь ли, что значит писать по вдохновению! Для каждого своего заклятого врага из чиновников я нашел такие меткие эпитеты! Хвалиться, конечно, нехорошо, но я скажу тебе: острое получилось письмо, ядовитое!

Он замолчал, продолжая расхаживать по гостиной. Анна Ильинична пришла в ужас: «Ведь он совсем не отдает себе отчета, что может натворить своим письмом!»

Что же делать? Можно было, конечно, пользуясь правом старшей сестры, поругать, заставить младшего брата вынуть письмо из «пещура». Но в семье Ульяновых никто и никогда не кричал на других, не приказывал, не командовал. Даже в самые напряженные моменты жизни все действовали убеждением, доводами разума. «Надо убедить его, какую ошибку он совершает, надо ему доказать, что может произойти после отправки этого злополучного письма»,— размышляла сестра.

С часу на час почтари, возвращаясь в Казань, могут заскочить на кухню, схватить «пещур» и — жди самых неприятных последствий.

— А ты не думаешь, Володя, что письмо навлечет беду?

— Гиль! — ответил брат.

«Гиль» — его любимое словцо. Означает оно — «чушь», «чепуха», «ерунда», «мелочь».

— Нет, не гиль, Володюшка. Ты вспомни, в каком положении находимся мы с тобой. Ведь письмо прочтут в полицейском управлении...

— Пусть! Ты полагаешь, что они сами не догадываются, что я о них думаю? Уж не кажется ли тебе, что я должен боготворить власти за то, что меня выгнали из университета, упекли в тюрьму, а затем сослали в это богом и людьми забытое Кокушкино? Нет, не будет им от меня пощады. За снисхождением я к ним на животе не поползу. Я в письме (он кивнул в сторону кухни) высказал все, что сейчас думаю о них. И приятеля спросил: как у них аукнулись беспорядки, что произошли в Московском, а затем, у нас, в Казанском университете. Надеюсь, за откровенность он мне отплатит откровенностью.

Анну Ильиничну осенило: «Ага, кажется, вот чем смогу я убедить его».

Володя мало-помалу успокаивался. Ходил по гостиной медленнее, перестал потирать ладони.

«Вот, пожалуй, самый подходящий момент пустить в ход последний козырь»,— подумала сестра и, как бы размышляя, проговорила:

— В общем-то, конечно, хорошо. Ты прав, что все подробно изложил своему приятелю. Я только вот о чем думаю: ведь письмо после того, как прочтут его в полиции, может принести большую беду и Горелову. Представляешь: из Казани сразу же пошлют депешу в тот университет, где учится твой приятель. И знаешь ли, что напишут они? «Такой-то ваш студент состоит в переписке с Владимиром Ульяновым, исключенным из Казанского университета за политическое выступление. Необходимо учредить за этим студентом надзор».

Володя остановился посреди гостиной.

— Ты так полагаешь?

— Ну, а как же иначе?

Володя опять начал мерить гостиную шагами. Он ходил, опустив голову, и по всему было видно: уже не радовался тому, как «с перцем» пробрал в письме полицейское и университетское начальство. Размышлял он о возможных последствиях своего послания

«Наконец-то!» — подумала сестра.

Но радоваться было рано. Злополучное письмо еще лежало в «пещуре», который с минуту на минуту могут взять и унести почтари. Анне Ильиничне временами кажется, что уже слышен издали звон колокольчиков почтовой кибитки.

А Володя все ходил, опустив голову и засунув руки глубоко в карманы брюк.

«Да решай же поскорее, Володюшка!» — мысленно торопила его сестра.

— А ведь, пожалуй, ты права,

Он остановился посреди комнаты.

— Мне кажется, да, я права,— сказала сестра, уходя в свою комнату и плотно притворяя дверь.

«Теперь не буду мешать ему»,— и тут же, возле двери, она притихла.

Володя еще раза два пересек гостиную по диагонали, затем шагов его не стало слышно.

«Ушел на кухню»,— решила сестра.

Да, скрипнула дверь, ведущая из гостиной в кухню. Теперь Анна Ильинична была уверена: Володя сейчас поднял «пещур», перевернул его широкой щелью вниз и карандашом выуживает письмо.

Потом краем уха Аня услышала, как в гостиной скрипнула половица и как Володя притворил дверь своей комнаты.

Вскоре забренчал под окнами колокольчик почтовой кибитки. Анна Ильинична уже не сомневалась: «крамольное» письмо Володя сунул в ящик своего стола или порвал его, чтобы завтра, когда будет жарко топиться печь, бросить обрывки бумаги в яркое пламя.

Гроза, которую могло вызвать неосторожное письмо, миновала.

...Прошло несколько дней. Володя жил как обычно: много читал, ходил на прогулки в парк и на Ушню, колол дрова — эта работа на морозе ему доставляла большое удовольствие. О письме не говорили ни слова — ни он, ни Анна Ильинична.

Лишь как-то вечером, оторвавшись от книги в гостиной, где сидели они с Анной Ильиничной за одним столом, экономя керосин, Володя лукаво улыбнулся и неожиданно сказал:

— А ты мне дала тогда дельный совет.

— Насчет чего?

— А насчет письма, которое собирался приятелю отправить. Я с тех пор вспоминаю о нашем разговоре. Спасибо, Аня.

НА ПОПУТНЫХ САНЯХ

За окном раздался оглушительный грохот.

— А что ж это? — встревожилась Анна Ильинична!

Она подошла к замерзшему окну, долго дышала на стекло, покрытое слоем льда, чтобы расчистить «глазок» и увидеть двор. Но «глазок» не получался — лед был слишком толстым.

Тем временем Володя, накинув пальто, вышел на крыльцо. Во дворе стояла белая от инея лошадь, запряженная в сани-розвальни. Возле саней — груда в беспорядке сваленных березовых поленьев. Крепкий бородатый Матвей — кокушкинский крестьянин — складывал дрова в поленницу.

— Потревожил? — спросил он Володю.— Вот ведь оказия! Хотел в сторонке дрова свалить, а Буланый как рванет, и загремели они об стену.

Володя вернулся в комнату, объяснил сестре, откуда грохот, и, надев шапку, сказал:

— Я помогу Матвею.

Крестьянин воспринял его помощь как должное. Только следил, чтоб юноша не поднимал самых толстых бревен.

Матвей уже не первый раз подвозил дрова к низенькому, длинному дому, в котором жили ссыльные брат и сестра Ульяновы.

Когда все дрова были в поленнице, Матвей обобрал сосульки на усах и бороде.

— Ну вот: и скоро и споро,— улыбнулся он, кивнув на уложенные дрова.— Теперь отдохну перед дорогой.

— И далеко вам ехать?

— А в Казань. Нужда гонит. Кадушку груздей на базар свезу. Без денег — беда.

Матвей аккуратно свернул папиросу — «козью ножку». Закурил.

— Вы что же, сегодня поедете?

— Никак нет. Буланому тоже отдых нужен. Видите, как дрожит. Ну, а с первыми петухами, затемно, тронемся в путь. Медлить нельзя. К ночи надо уже и дома быть.

В глазах у Володи сверкнул огонек.

— Дядя Матвей, а можете вы меня взять в Казань? Вместе бы туда и вместе обратно.

— Почему не взять? Груз не велик. Но только ведь...

Володя понял, что хотел сказать крестьянин.

— Беды не будет, дядя Матвей,— заверил он.— Затемно уедем, затемно вернемся — кто нас увидит?

Матвей бросил окурок, крепко вдавил его валенком в снег.

— Ну, смотрите... Мне почему же не взять? Пожалуйста.

— Вот и хорошо. Я вас на дороге встречу.

— Иззябнете.

— Ничего. Потеплей оденусь.

Анна Ильинична, узнав о намерении Володи, забеспокоилась. Вдруг придет становой пристав — как ему объяснить отсутствие брата? Или повстречаются в дороге знакомые, которые узнают Володю? А в городе? Как может он появиться в Казани, где знают его многие — студенты, полицейские, те, кто бывал в доме Ульяновых?

— В конце концов, что тебе нужно в Казани? Во имя чего такой риск? — спросила сестра.

— Нужна книга, Анюта. Архиважная книга.

— Надо спросить ее в Казанской городской библиотеке. Я уверена, что пришлют.

Володя прищурился.

— Эта книга не из тех, что держат в библиотеках. Она у одного надежного человека. На всю Казань одна. Понимаешь, Аня?

Сестра поняла. И почувствовала, что ей не отговорить его...

В эту ночь Володя не ложился в постель. Убавив свет, он сидел в полумраке, читал и все время прислуши-

вался к тишине декабрьской ночи. Боялся, что не услышит пенье петухов.

Но вот, наконец, петух запел. Один, потом другой. Где-то в деревне отозвался третий.

Стараясь не шуметь, Володя оделся, тихо приоткрыл дверь в гостиную. Навстречу шла Аня.

— Ничего не забыл?

— Аня, ты не спишь?

— Не до сна. Ты, пожалуйста, будь осторожен. Архиосторожен, как сам говоришь. Обещаешь?

— Обещаю.

Намерзшая дверь на кухне тяжело бухнула. Володя ушел.

Шагая по неровной снежной дороге, он издали заметил темное пятно — повозку Матвея.

— Иззябли? — спросил тот, подъехав.— А я вам тулуп у соседа прихватил.

Володя уже занес было ногу над санями и вдруг остановился.

— Что вы ему сказали?

— Да не тревожтесь, прыгайте. Сказал, что надо кадушку с грибами укутать — не то, мол, смерзнутся грузди за дорогу — потом их топором руби. Садитесь, садитесь!

Володя, завернувшись в тулуп, сел и спиной привалился к передку саней. Правым боком ощутил твердую кадушку с груздями.

Буланый оказался резвым конем: ходко брал в гору, весело бежал на спусках.

Матвей, казалось, забыл о своем пассажире. Он только покрикивал на Буланого да изредка обращался к лошади, словно к человеку:

— Ну, чего же уши-то развесил? Веселей давай, повеселей! Но-но, шевели ногами! Ишь, лентяй...

Согревшись в тулупе, Володя задремал. Матвей заметил это и перестал разговаривать с Буланым. Он

только дергал вожжами да кнутом замахивался.

На крутом повороте сани раскатились и полозьями стукнули в твердый бортик накатанного снега. Кадка с груздями толкнула Володю в бок. Он очнулся.

— Где мы, дядя Матвей?

— А в Казань как раз въезжаем. Где вы будете сходить?

— Здесь вот и сойду. А встречу вас вечером вон там, возле кабака. Не забудете?

— Ну как же! Кабачок разве можно забыть! Чай, забегу там рюмочкой согреться перед обратной дорогой. Всего вам хорошего!

После теплого тулупа Володю охватила неприятная дрожь. Мороз на рассвете усилился.

Не теряя времени, Володя переулками добрался до покрытого снегом Арского поля. Теперь оставалось ему спуститься по крутой улице вниз, к тому переулку, где стоял дом приятеля.

...Вечером долго Матвей ждал Володю возле придорожного кабачка. Выпил рюмочку, походил вокруг саней, подбросил мягкого сена Буланому. Потом снова посидел в шумном и дымном кабаке, выпил стакан чая.

Смеркалось. Матвей, наконец, вышел, снял с Буланого дерюгу и, пробормотав: «Ах ты, оказия какая!», тронулся в путь.

Он тревожился: а вдруг Володю забрали в полицию? А, может, подошел к придорожному кабачку раньше, и кто-нибудь из кокушкинских посадил его к себе в сани?

— Но-о, родимый! — потряхивал Матвей вожжами.

Застоявшийся, продрогший Буланый бежал домой резво.

Матвей неожиданно вздрогнул, когда из ямы на пустыре навстречу ему поднялся человек. «Никак, разбойник!» Но, присмотревшись, он обрадовался: на дороге стоял Володя Ульянов.

Когда сани приблизились, Володя молча прыгнул в них и сразу прилег, накрывшись полой тулупа.

Матвей не стал расспрашивать его. Сам догадался: видно, выследили полицейские. Он только пожалел, что зря так долго торчал возле кабака и заморозил парня.

Когда город скрылся вдали, Володя спросил:

— За нами не едут?

— Не видно. А вы лежите, грейтесь. Ноги, поди, ничего не чуют.

— Чуют,— сказал Володя.

Матвей крикнул на Буланого, и тот побежал быстрее.

Володя еще спросил о чем-то. Но скрип саней помешал Матвею расслышать слова. На всякий случай он оглянулся и повторил:

— Нет, никто не едет.

Из-под курчавого воротника послышался негромкий смех.

— Да я не о том,— сказал Володя.— Спрашиваю: удачно ли продали грибы?

— А, вон вы про что! Все хорошо, да, удачно продал. Но-о, Буланый, шевели ногами!

Вскоре начался подъем на Кощакову гору. Возницы обычно при въезде на этот высокий берег шли пешком, чтоб коням легче было. Матвей спрыгнул. Буланый напрягся, вытягивая сани в гору.

И тут Матвей услышал звон бубенцов. Он оглянулся. Лихая тройка во весь опор спускалась к речке с противоположного берега.

«Если полицейские догонят — мало нам не будет»,— подумал Матвей.

Тройка миновала мостик и вот уже взяла в гору.

«Да, не уйти от них»,— решил Матвей. Он согнулся к саням, подоткнул полы тулупа и сказал негромко:

— Почтари катят, уж вы не шевелитесь.

Тройка приближалась. Вот слышится крик ямщика: «О-эй! О-гей! А ну-ка, живо!»

Почти на вершине холма кибитка догнала сани. Взмыленные кони перешли на шаг. У Матвея по спине побежали мурашки. Он испугался еще больше, когда ямщик соскочил с облучка и подошел к нему вплотную.

— Дай-кось огонька, браток.

Матвей достал ему черный кремень, стальное кресало и трут в мешочке. Ямщик не спеша приготовился, несколько раз ударил кресалом по кремню. После каждого удара на мягкий трут сыпались яркие в ночной темноте искры. Наконец, трут затлел — пошел от него едкий дымок. Ямщик ткнул конец папиросы в тлеющий жар, выпустил изо рта первый клуб дыма.

— Сам-то не закуришь? — протянул он портсигар с дорогими папиросами.

— Я некурящий,— соврал Матвей, лишь бы скорее избавиться от ямщика.

— До Кокушкина тут недалеко?

— Да верст пятнадцать осталось. У вас там родня или знакомые?

— Какой там! У кого-нибудь заночевать думаем. Нам еще ехать далеко — аж за Елабугу. Слышал, может, купца Мешкова?

— Как не слышать! — снова соврал Матвей.

— Из Казани его везу. После гулянки. Ну, прощай!

— Счастливого! — Матвей приподнял шапку.

Когда сани въехали в Кокушкино, там ни в одном окне уже не светились огоньки. Было поздно.

Володя встал, пожал Матвею руку.

— Спасибо, дядя Матвей,— поблагодарил он и за-

шагал по хрустящему снегу в сторону, к деревянному флигелю, где светилось окно в комнате Анны Ильиничны.

— В добрый час! — кивнул Матвей и хлестнул Буланку вожжами.

СВОЙ КЛЮЧ

— Посмотри, Володя, какую тебе милую комнату я приготовила.

Мария Александровна поднялась по узкой деревянной лесенке на второй этаж и остановилась у распахнутых дверей одной из комнат.

И правда, маленькая комната обставлена просто и уютно, как это умела делать Мария Александровна. Тут не было ничего лишнего. Стены оклеены обоями, где по светлому полю разбросаны мелкие цветы. Небольшой, но удобный рабочий стол, аккуратно заправленная койка, две книжных полки, венский стул с гнутой спинкой. На полу — цветной крестьянский половичок. Такие половички были во флигеле большого дома в Кокушкине, откуда только что возвратился отбывший ссылку Володя Ульянов.

Мать осмотрела комнатку и перевела взгляд на сына: доволен ли?

Володя был смущен. Чем-то комната ему не нравилась. Но сказать об этом не осмелился — неудобно ему огорчать мать, которая вложила столько труда и хлопот, чтобы навести уют в этой светелке.

Мария Александровна поняла: чем-то не угодила повзрослевшему за год ссылки сыну и допытываться не стала — что ему не понравилось. Она только спросила:

— Что бы ты хотел?

— Понимаешь ли, мама...

— Ну, ну, скажи прямо.

— Там, на первом этаже, почему-то две кухни. Если не возражаешь, я поселюсь в одной из них,— в той, что справа.

Мария Александровна знала, что в кухне жить неуютно. В нижнем этаже, где окна затенены деревьями, света мало. Там при всем желании хорошей обстановки не создашь. Справа от входа — громоздкая, неуклюжая лежанка, пригодная разве для стариков. Чем же приглянулась эта комната Володе? «А,— догадалась она,— ведь из кухни вторая дверь открывается прямо в сад». Поняв это, Мария Александровна согласилась:

— Ты прав. Тебе там будет лучше. Вот, возьми...

Она сунула руку в карман передника и подала Володе ключ от кухни.

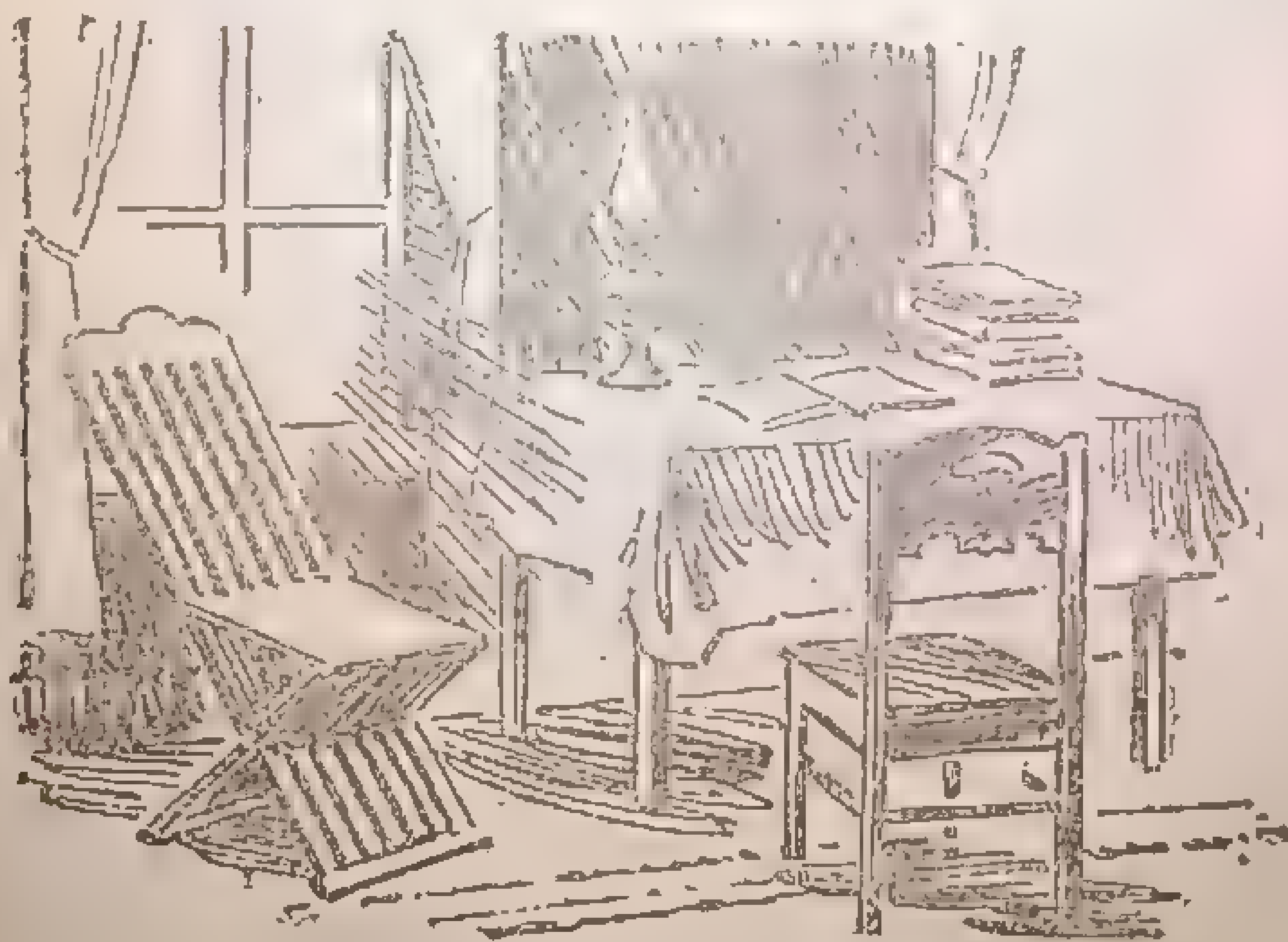
— Ты, мама, прелесть! — улыбнулся Володя.— Умеешь читать мои мысли.

— Стараюсь, да не всегда выходит...

Она посмотрела на его светлые волосы, на легкий рыжеватый пушок, пробившийся на подбородке, и подумала:

«Как он возмужал! А я все пытаюсь укутывать его как трехлетнего младенца. Верно сказано: каждой матери ее ребенок всю жизнь кажется маленьким».

Этот разговор происходил в двухэтажном флигеле дома Орловых на Первой горе в Казани — в том самом

доме на теперешней улице Ульяновых, 58, где находится Казанский музей Владимира Ильича Ленина.

Заглянув утром на кухню, Мария Александровна убедилась, что сын расположился там удобно. Как всегда, Володя был неприхотлив. Над железной кроватью он укрепил подвесные полки для книг, на маленьком столе поставил чернильницу, доставшуюся ему от покойного деда, керосиновую лампу, на край стола положил учебники. Удобно расставил в комнате три стула. И что удивительно: даже неуклюжую, громоздкую лежанку сумел приспособить как столик для игры в шахматы. Посредине там уже лежала шахматная доска с расставленными фигурами.

Комната выглядела строго, по-спартански. Но Мария Александровна внесла в эту обстановку маленький штрих: она сломала в саду несколько веточек с листьями клена, уже покрасневшими от первого дыхания осени, и поставила этот букет на стол рядом с керосиновой лампой.

Володя оценил эту материнскую заботу.

— Спасибо, мама, за светлый огонек в моей келье.

Мать благодарно улыбнулась.

В доме на Первой горе Володя жил двумя заботами: надо было во что бы то ни стало поступить в университет — Московский или Петербургский, и готовить себя к тому главному, чему он решил посвятить всю жизнь,— борьбе за свободу народа.

Каждый раз, входя в комнатку Володи, Мария Александровна видела на его столе все новые и новые книги. Толстые тома сочинений Дарвина сменяли не менее солидные книги Бокля, Рикардо. Рядом с ними, то появляясь, то исчезая, лежали сочинения Льва Толстого, Бальзака, Пушкина, Мериме.

Однажды, вытирая пыль на висячей полке над койкой Володи, Мария Александровна увидела тщательно

затесненный другими книгами «Капитал» Карла Маркса.

Об этой книге Мария Александровна уже слышала. Говорят, она делает в душе человека переворот, заставляет его по-новому взглянуть на жизнь, на отношения людей — богатых и бедных.

Сердце Марии Александровны сжалось. Так вот с чем думает и к чему стремится Володя. Невольно вспомнила старшего сына...

Все чаще и чаще, спускаясь по вечерам в нижний этаж, Мария Александровна заставала комнату Володи пустой. Может, он уходил в шахматный клуб? Игру в шахматы Володя любил. А может, уходил на тайные заседания нелегальных кружков? Мария Александровна успокаивала себя: он — взрослый человек и сам отлично знает, что ему делать и как себя вести.

О думах и планах Володи лучше всех знала его старшая сестра Анна Ильинична.

Порой, когда сестра заходила к нему в его «келью», он усаживал ее и с жаром говорил:

— Послушай-ка, Аня, как объясняет Карл Маркс несправедливость современной жизни.

Прочитав какой-нибудь отрывок, он тут же увлеченно высказывал свои мысли.

— Помнишь, Аня, слова древнегреческого ученого Архимеда? Он сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар».

— Конечно, помню. Слышала еще в гимназии.

— Так вот она, эта книга,— Володя поднял толстый том «Капитала»,— и является точкой опоры, с помощью которой, придет время, рабочий класс опрокинет и уничтожит мир капиталистов и помещиков.

— Так легко и просто?

— Не совсем, Анечка, просто. Надо, чтобы эту книгу прочитали, запомнили тысячи, миллионы людей. И поняли, как надо бороться. Этому их научат революционе-

ры. Когда учение станет понятно миллионам трудовых людей, они объединятся и штурмом опрокинут капитализм.

— А меня вы на этот штурм возьмете?

— Возьмем, Аня...

Часто в разгар этих бесед брата и сестры в «келье» появлялась Мария Александровна.

— Володя,— говорила мать.— Уважь одну мою просьбу: не просиживай ночи напролет, не изводи себя чтением и думами.

— Хорошо, мама. Скоро лягу. Только вот просмотрю одну брошюру — мне дали ее всего на один вечер...

Несколько следующих вечеров Мария Александровна уже не видела света в окне Володиной комнаты и не заставала сына дома. Ключ, которым она снабдила Володю, давал ему полную свободу.

«Только бы не лишили его этой свободы жандармы»,— тревожилась мать.

К счастью, в Казани этого больше не произошло.

До самого отъезда в Самару Владимир Ульянов посещал один из марксистских кружков, созданных Николаем Евграфовичем Федосеевым. Он, правда, не знал

Федосеева лично, зато много слышал о нем от своих казанских товарищей.

Царская охранка напала на след Федосеева и летом 1889 года он и его единомышленники были арестованы.

«Думаю,— писал позднее Владимир Ильич,— что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани».

Ключ, который вручила Володе Мария Александровна, оказался счастливым. К тому времени, когда полиция разыскивала всех участников собраний в Казани, Володя и вся семья Ульяновых находились уже далеко — на хуторе Алакаевка под Самарой.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПОДАРОК

В гостиной квартиры на Первой горе стоит рояль. Это единственная громоздкая вещь, которую Мария Александровна перевезла в Казань. Рассталась она в Симбирске со шкафами, комодами, диванами, но рояль продавать не стала. Ольга — девочка музыкальная, бывало, долгие часы проводила в Симбирске за роялем. Да и теперь, в Казани, с поразительным упорством разучивает оперные арии, романсы.

Володя, поднявшись однажды наверх, долго наблюдал за ее игрой.

— Завидую тебе,— сказал он Оле.— Думаю всегда: вот у кого надо учиться работоспособности!

Ольга, прекратив игру, посмотрела на брата.

— Комплимент?

— Нисколько. Твоей усидчивости не только я завидую. Знаешь ли, что сказал о тебе Митя?

— Не знаю.

— Он сказал так: «Оля не играет на рояле только тогда, когда спит».

Она улыбнулась.

— Очень лестно. А почему ты сам никогда не сядешь

за инструмент? У тебя же хороший слух. Мама рассказывала, как ты легко усваивал ее уроки.

Володя пожал плечами.

— Да как-то так... Должно быть, музыка — не моя стихия. То есть, я всегда слушаю с наслаждением, но вот играть...

— Жаль, Володя. Хотела с тобой разучить вальс в четыре руки. Мы его исполнили бы в день рождения мамы.

Оля внимательно посмотрела на брата. Поняла: нет, он разучивать не станет.

— Ну, хорошо, — сказала сестра. — Вчера я достала ноты романса Варламова «Моряки» на слова нашего симбирского поэта Языкова. Хочешь послушать?

Играя, она пропела энергичные, мужественные слова романса. В глазах Володи загорелся огонек.

— Вижу, понравилось.

— Очень!

— Этот романс под мой аккомпанемент исполнишь ты в день рождения мамы.

— Что ты, Олюшка, помилуй! Какой же я певец?

— Самый обыкновенный, домашний. И не вздумай отказываться. Вот ноты, разучи ее, а завтра мы проведем первую репетицию.

— Так сразу?

— Откладывать нельзя. До маминого дня рождения полторы недели. А заниматься нам — учти, Володя, — придется, как ты любишь говорить, конс-пи-ра-тив-но! Мама ничего не должна знать.

Ольга сумела уговорить Володю. И вот, поплотней закрыв дверь, он вполголоса напевает романс. А что? Пожалуй, выходит!

В семье так заведено: в день именин родителей дети преподносят им подарки. Самый интересный подарок тот, которого не ждешь. Илья Николаевич и Мария Алек-

сандровна радовались подаркам, приготовленным тайком.

И вот наступил день рождения. Дочери поставили на стол испеченный ими пирог, сыновья вручили подарки. За столом весело. Мария Александровна довольна всем.

Но тут Оля встает из-за стола и направляется к роялю.

— Володя,— кивает брату.

Володя становится возле рояля.

— Посвящается маме,— говорит он.

Ольга берет первые аккорды, затем в притихшей гостиной звучит голос:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно...
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Володя, глубоко вздохнув, под аккомпанемент рояля повторяет высоким голосом последние две строчки:

В роковом его просторе
Много бед погребено.

И тотчас же, без перерыва, стараясь не отстать от Олиной игры, твердо поет следующий куплет:

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я...

Рояль рокочет, как море в шторм. Володя поет главную строфу, которая ему так нравилась:

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней.
Будет буря: мы поспорим,
И поборемся мы с ней.

Дружные аплодисменты и возгласы одобрения зазвучали в гостиной. Слушателей, особенно Марию Александровну, удивило исполнение романса и, пожалуй, еще больше то, что музыкальный сюрприз был подготовлен в полной тайне.

— Ах вы, конспираторы мои дорогие!— сказала она.

Ольге и Володе понравилось музыкальное содружество. Стали разучивать и другие произведения. Так, позднее, на хуторе Алакаевка под Самарой они прекрасно разучили, затем исполняли гимн французских революционеров «Марсельезу».

Однажды Ольге удалось получить от своих симбирских подруг слова и ноты «Интернационала». Здесь, в Алакаевке, Владимир Ильич впервые под аккомпанемент сестры пел эту боевую песню революционеров.

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

У тех, кто прочтет собранные в этой книжке рассказы о Володе Ульянове, несомненно возникнет вопрос: а сохранилось ли до наших дней что-нибудь из того, что напоминало бы нам о жизни Володи в Кокушкине и в Казани?

Да, многое удалось сохранить. И все, что бережно собрано уже в годы Советской власти родными и знакомыми Ленина, жителями Казани и Кокушкина, все это можно видеть в Доме-музее В. И. Ленина в Кокушкине, в Доме-музее в Казани, в ленинской комнате-музее Казанского университета.

МЫ ЕДЕМ В КОКУШКИНО

Может быть, по этим вот холмам и увалам проходила та самая дорога, по которой гимназист Володя Ульянов ездил из Казани в Кокушкино. А, может быть, она лежала где-то в стороне. Все равно: ту, прежнюю дорогу, с нынешней сравнивать нечего. Тогда это была наезженная телегами, почтовыми кибитками и пролетками дачников пыльная колея. Сейчас это — ровная, бесконечная лента сверкающего на солнце асфальта.

Вместе с учениками восьмого класса одной из казанских школ едем в Кокушкино.

Сентябрьский день выдался теплым и солнечным. В небе — ни облачка. Даже ветерок, и тот по-летнему теплый.

В нашем автобусе открыты все окна. Встречная струя воздуха треплет шелковые голубые занавески, путает прически девочек, ерошит волосы ребят. Все поют. Про шорохи лесные, про мускулы стальные, про радость боевых побед.

Так и выехали в поле — с озорным ветерком, с веселой песней.

Вдоль дороги колышется пшеница, ярко зеленеет ботва сахарной свеклы, огромное поле капусты словно подернуто молочным туманом. А вдали — перелески, ажурные вышки линий электропередач...

Невольно представлялось далекое прошлое. Многое, наверное, было таким же, как сейчас: поля, перелески, синеющая за ними даль. А вот ажурных ферм высоковольтных линий тогда не было.

— Ребята, у кого дома есть керосиновая лампа? — спрашивает один из мальчиков.

Молчат все, улыбаются. Ни у кого даже старой, поломанной лампы нет. Ни дома, ни в кладовке. Все пытаются представить, как она горела. И вдруг кто-то вспоминает: видел такую лампу в кинофильме о дореволюционной жизни...

А ВОТ И КОКУШКИНО

Въезжая на деревенскую улицу, ребята вновь задают вопрос: такой ли видел деревню Володя Ульянов? И сами же отвечают: нет, не такой. Не было и не могло быть на улицах столбов с проводами. Не зря жители советских сел назвали в свое время электрическую лампочку «лампочкой Ильича».

И уж, конечно, восемьдесят лет назад никто не думал, что настанут времена, когда спектакль на сцене Большого театра в Москве будут видеть и слышать жители маленькой деревни Кокушкино. Чудо нашего века — телевидение — вошло почти в каждый кокушкинский дом. Повсюду над крышами топорщатся усики телевизионных антенн.

А каменные двухэтажные дома? В пору ленинской юности они были только в городах. А теперь в Ленино-Кокушкино построено [illegible] таких домов.

Проехали по длинной [illegible] и вскоре остановились у ворот усадьбы [illegible] Ильича Ленина... Все ребята [illegible] где стояло более десяти автобусов для экскурсантов.

— Девочка! — позвал [illegible] пионерку, шагавшую мимо усадьбы. — [illegible] Кокушкинская?

— Да.

— Не знаешь, сколько нужно ехать на лошадях из Кокушкина в Казань?

— На чем?

— На лошадях, на телеге.

Девочка улыбнулась.

— Выдумал! На лошадях [illegible] не ездят. Мы — на машинах...

Так и не узнал [illegible] Кокушкина меньше чем за час, [illegible] Ленина эта дорога отнимала восемь долгих часов.

Школьники вошли в музей. К [illegible] подошла женщина в пуховом платке, наброшенном на плечи. Она объяснила, что многих [illegible], напоминающих о детских и школьных годах Ильича, не сохранилось. Большой двухэтажный дом, в котором каждое лето жила семья Ульяновых, сгорел. Но флигель восстановили и выглядит сейчас таким же, как в те далекие годы.

Музей напоминает об одном: о суровой зиме

1887/88 года, когда Владимир Ульянов, исключенный из Казанского университета, отбывал в Кокушкине ссылку.

Ребята с интересом рассматривают вещи, знакомые по книжкам: стол и керосиновую лампу в комнате Володи, маленький столярный верстак, такой же, на который складывал он книги, шкаф у стены, задернутый зеленой занавеской,— тоже для книг, темный платяной шкаф и цветные крестьянские половики.

Вышли в парк, нашли там любимую Володину беседку под липами, куда он летней порой на целые дни уходил с книгами, с графином воды.

Спустились к берегу реки, где прежде были купальни.

— О, да в Ушне столько воды!

— Купаться можно?

— Да. Ушню перегородила плотина, и уровень воды поднялся,— поясняет экскурсовод.— Если вы читали книжки о детстве Ульянова, то, может, запомнили, что плотина в те годы была сделана из камня и хвороста. Вода возле плотины вращала мельничное колесо. В книге Николая Ивановича Веретенникова рассказано, как с Володей они видели разрушение ветхой плотины в паводок — после обильных дождей. Потом плотину долго восстанавливали. Все работы велись вручную. А теперь эту плотину сооружали с помощью тракторов, экскаваторов и подъемных кранов.

— А мельница работает?

Женщина с пуховым платком на плечах улыбнулась.

— Мельницы нет...

— Зачем же тогда плотина?

— Для рыбы. Видите, вон за рекой поселочек? Это ушнянское рыбное хозяйство. Работники рыбхоза выпустили в Ушню мальков амура, карпа, толстолобика. Новые породы здесь хорошо прижились. В те дни, когда Володя Ульянов был еще мальчиком, он с друзьями ловил в Ушне крохотных пескарей, окуньков и ершей.

себе на забаву да кошкам на завтрак. А сейчас рыбхоз отлавливает по двести тонн крупной рыбы.

Когда закончилась экскурсия, казанские школьники сели в мягкие, обтянутые белыми чехлами кресла просторного автобуса и покатили обратно. Из открытых окон послышалась песня:

Ленин — всегда живой,
Ленин — всегда с тобой...

ФАБРИКА В ДЕРЕВНЕ

Я задержался в Кокушкине. Хотелось посмотреть, как живут сейчас в этой, когда-то убогой, деревне.

И здесь увидел много нового, интересного. Как и сама деревня, созданный в ней совхоз называется Ленино-Кокушкино. Это название дано еще при жизни Владимира Ильича Ленина, в 1922 году. Жители деревни в том году написали Владимиру Ильичу Ленину письмо. Писали как своему земляку и Председателю Совета Народных Комиссаров. Они рассказали обо всем: как местному кулаку по шапке дали, как все пошли в Красную Армию защищать Советскую Россию от врагов. Пожаловались: после гражданской войны жизнь в Кокушкине стала тяжелой. На всю деревню только семь лошадей, нет школы... Но письмо закончили обещанием наладить жизнь и просили разрешения назвать свою деревню именем Владимира Ильича — Ленино.

Живет сейчас деревня крепко, зажиточно. Совхоз имеет более двадцати автомашин, тридцать тракторов, одиннадцать комбайнов.

Кокушкинцы научились выращивать высокие урожаи пшеницы, гороха, сахарной свеклы, гречихи. Завели крупные животноводческие фермы.

А недавно решили создать у себя фабрику.

Она уже построена. Это несколько длинных, невысоких корпусов из железобетонных плит. От корпуса до корпуса идут провода с током высокого напряжения.

Что же выпускает фабрика? Ее продукция — куры, яйца.

Днем весь просторный двор фабрики белый-белый, будто снегом посыпанный. Это выходят на прогулку обитатели фабрики — породистые куры.

Но зачем понадобилось так много электроэнергии? Ведь куры — не станки.

Да, но каждую курицу надо накормить, напоить. В помещениях поддерживать порядок. Это делают не люди, а машины. Здесь в каждом цехе установлены автоматы. В нужное время дают они курам зерно, свежую воду, очищают помещения от мусора, сортируют и укладывают яйца. Благодаря машинам за двадцатью тысячами кур ухаживает всего лишь два человека.

Здесь ежедневно появляется на свет несколько тысяч цыплят. Выхаживают их инкубаторы.

Каждый год птицефабрика совхоза «Ленино-Кокушкино» отправляет городам тысячу тонн куриного мяса и пятьдесят миллионов яиц.

ДОМ ПОД БЕРЕЗАМИ

Когда-то улица эта называлась Первой горой. Теперь — улицей Ульяновых.

Ее знает каждый. И не только в самой Казани. Десятки тысяч людей со всех концов страны приезжают сюда, чтобы побывать на этой улице в двухэтажном доме под березами — в музее Владимира Ильича.

На экскурсию в музей иду я с группой девочек-подростков, учениц одного из казанских профессионально-технических училищ. Девочки через год будут швеями.

Поднимаемся по улице Ульяновых на гору. Едва поравнялись мы с первым четырехоконным домом, стоящим над самым обрывом, как одна из девочек воскликнула:

— Ой, смотрите! В этом доме жил Алексей Максимович Горький! Мы, наверно, вышли на другую улицу. Тетя, скажите нам, где музей Ленина?

— Вот. Следующий дом.

— Девочки, слышите? Ленин и Горький были соседями!

— Наверное, были неразлучными друзьями.

— Я в кино видела: Горький часто приходил к Ленину, они все дела обсуждали вместе.

И новый голос:

— Да, да! В картине «Аппассионата» показано, как Ленин приходил в гости к Горькому и слушал у него музыку...

Пока подружки вспоминали, кто и что знает о дружбе Ленина и Горького, повстречавшаяся им женщина с улыбкой слушала их разговор. А потом сказала:

— И все-таки, девочки, вы ошиблись. Горький и Ленин не были соседями.

— А как же дома? Ведь рядом стоят!

— Да, но Горький и Ленин жили тут в разные годы. Вот, читайте на мраморной доске: Алексей Максимович жил здесь в 1884 году. Это дом Евреиновых, куда Алеша Пешков приехал вместе со своим другом Колей Евреиновым из Нижнего Новгорода, чтобы поступить учиться в Казанский университет. Читали? Кто читал «Мои университеты» Горького?

Оказывается, книгу читали почти все. Но никто не задумывался, где стоит и сохранился ли вообще тот дом, в котором жили Евреиновы.

Значит, вот он какой, этот дом с палисадником — дом, в котором юноша Пешков начал проходить свои «университеты»...

— А Ульяновы сняли квартиру в соседнем доме четыре года спустя, когда Володя возвратился из Кокушкина, из ссылки,— продолжала женщина.

— Но ведь Алеша Пешков жил в Казани и тогда, когда Володя Ульянов учился в университете,— заметила одна из девочек.— Оба они были юношами, оба участво-

вали в подпольных кружках. Значит, где-нибудь встречались они друг с другом.

— Об этом вы спросите в музее Ленина,— посоветовала женщина.

Девочки миновали железную решетчатую калитку, прошли по асфальтовой дорожке к дому, вошли в дверь. Здесь им предложили поверх своей обуви надеть широкие брезентовые тапочки.

Потом седая женщина-экскурсовод, которую звали Марианна Петровна, прежде всего показала им комнату-кухню на первом этаже, где жил Володя Ульянов.

Девочки перешептываются:

— Смотри, какая чернильница...

— Красивая. Будто цветок...

Марианна Петровна слышит этот разговор.

— Вас, девочки, заинтересовала чернильница,— говорит она.— Ей более ста лет. Сначала принадлежала дедушке Владимира Ильича — Александру Бланку. После, когда дед умер, чернильница была передана Володе. Он берег ее, как память о своем дедушке.

Марианна Петровна повела своих спутниц вверх по крутой узкой лестнице.

Вошли в гостиную. Будущие швеи прежде всего заметили красивую вышивку на диванной подушке.

— Ой, кто ж это вышивал? Володина мама?

Нет, оказывается, вышивала сестра Володи — Мария Ильинична.

Пока девочки толпились возле дивана, где лежала пестрая подушка, одна из подруг подошла к этажерке. Ее заинтересовал сборник нот.

— Любишь музыку? — спросила ее Марианна Петровна.

Та кивнула головой.

— Сама на чем-нибудь играешь?

— Да, на пианино.

— Это хорошо. В семье Ульяновых музыку любили

ное. Хорошо играли на рояле Володина мама и сестра Ольга.

Затем подошли к столу.

— Вот интересные экспонаты,— сказала Марианна Петровна, указывая на сахарницу и шесть серебряных ложек.— Эти ложки были подарены Марии Александровне в день рождения, и что любопытно — они ровесницы Марии Александровны: изготовлены ложки в 1835 году, в год ее рождения. Идемте, я покажу вам комнату Марии Александровны.

Девочки видят простенькую железную кровать, стол, три стула. Только здесь еще есть и низенький комод, в котором, видимо, хранилось белье. На комоде — круглое зеркальце в черной деревянной оправе, два подсвечника и две фотографии — портрет отца Ленина Ильи Николаевича и портрет старшего брата Володи Александра Ильича.

— Видите, Александр Ильич сфотографирован в профиль. Снимали его в тюрьме, перед казнью. Кто знает, может быть, при взгляде на этот снимок Володя не раз мысленно говорил: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти»...

— Есть у вас еще ко мне вопросы?

— Да,— послышался голос одной девочки.— Я видела на документе в музее подпись: «Керенский». Не тот ли, который возглавлял Временное правительство?

— Нет, это Керенский, отец того Александра Керенского. Федор Керенский был в Симбирске директором гимназии, в которой учился Володя Ульянов. Не знал, конечно, Федор Керенский, что его сын Александр и самый примерный ученик гимназии Владимир Ульянов станут в 1917 году непримиримыми врагами. Не предполагал, что Владимир Ульянов и партия одержат победу при штурме Зимнего, а Керенский, переодевшись в платье медицинской сестры, удерет из дворца и проведет остаток дней вдали от родины, в Америке.

Экскурсанты вышли во двор.

— У меня вопрос,— выдвинулась вперед голубоглазая девочка с рыжими косами.— Были знакомы друг с другом Володя Ульянов и Алеша Пешков, когда жили в Казани?

— Об этом спрашивают многие,— сказала Марианна Петровна.— Но никаких документов об этом не сохранилось. Может быть, Алексей Пешков и знал о Владимире Ульянове — одном из участников студенческой сходки в декабре 1887 года. Будущего писателя горячо интересовали все выдающиеся люди — особенно те, кто поднимал борьбу против царского самодержавия. Но едва ли эти мятежные юноши — Володя Ульянов и Алеша Пешков — были в те годы знакомы лично.

Девочки уже было направились к выходу, как возник еще вопрос. Девчата торопливо пошушукались, и одна из них крикнула вслед уходящей женщине:

— Марианна Петровна! Можно вас еще на минутку?

Женщина вернулась.

— Эти березы, что растут около дома, и тогда росли?

— Нет, милые, березам этим лет по тридцать — сорок. А вот недавно возле дома рос большой, раскидистый вяз. Его, конечно, Володя Ульянов помнил. Только вяз от старости засох, и его спилили. На его месте казанские школьники посадили новое деревце. Тоже вяз. Видите? Мы, работники музея, в шутку называем его «вяз — наследник вяза». Придет время, и дерево станет большим, раскидистым, как тот старый вяз, что был современником юности Владимира Ильича.

ПАРТА НА ЧЕТВЕРЫХ

Парта на четверых? Что это? — спросит ученик. Обычно школьная парта рассчитана только на двоих.

И все-таки парты на четверых есть. Они стоят в ле-

нинской аудитории Казанского университета. Ленинской ее называют в память о тех днях, когда здесь учился юный Владимир Ульянов.

Немного вещей осталось в аудитории с тех пор. Эти парты на четверых и два газовых рожка, висящих над кафедрой. Газовые рожки давали хоть и не яркий, но ровный свет.

Каждый год ленинскую аудиторию в Казанском университете посещает его пятьдесят — двести тысяч человек. Приезжают сюда из Петропавловска-на-Камчатке, из Душанбе, из Мурманска, из многих деревень и сел. Русские записи в большой книге отзывов чередуются с грузинскими, арабские строчки видны рядом с индийскими, японские иероглифы соседствуют со словами на английском, немецком, испанском языках.

Кроме книги отзывов, на столе можно видеть большие пачки писем. Они приходят со всех концов страны. Пишут, главным образом, школьники.

Я прочел несколько таких писем.

Ребята из Богучара пишут, что у них создан музей В. И. Ленина в одной классной комнате. В ней — больше сотни открыток, показывающих отдельные моменты из жизни и революционной деятельности Владимира Ильича. Есть альбомы почтовых марок, посвященных В. И. Ленину, портреты Ильича, репродукции картин о Ленине. Одного не хватает богучарским ребятам — фотокопий документов, где говорилось бы о зачислении Володи Ульянова в Казанский университет. И еще чего-то такого, что бы показывало, как он участвовал в знаменитой студенческой сходке, как был арестован, как жил в первой ссылке в деревне Кокушкино.

А вот письмо из Армении, которое нельзя читать без улыбки. Ребята пишут: «Просим прислать для нашего музея парту, за которой сидел В. И. Ленин, когда был студентом». Ребята, видимо, не понимают того, что эта

парта — одна единственная, и стоять она должна там, где учился Володя Ульянов.

Бывают вопросы и посложнее. Ученики одной из школ Хабаровска просят: «Побеседуйте с теми, кто учил В. И. Ленина в университете, и магнитофонную запись беседы вышлите нам».

Авторы письма, видимо, забыли, что с тех пор, как Володя Ульянов учился в университете, прошло более восьмидесяти лет. Значит, учителям его должно быть сейчас по сто десять — сто двадцать лет. Из учителей Володи Ульянова сейчас в живых нет никого.

Ребята из Хабаровска, из Армении не думали, что их просьбы окажутся неисполнимыми. Важно им одно: любят они Ленина и хотят знать о нем как можно больше.

Был в аудитории-музее такой случай. Малышки-первоклассники одной из казанских школ осмотрели аудиторию, вышли. Одна девочка задержалась. Она подошла к женщине-экскурсоводу и спросила:

— Тетя, а вы Ленина видели?

Девочка не задумалась о возрасте экскурсовода. Просто хочется мальчикам и девочкам повстречаться, поговорить с теми людьми, которые видели, знали В. И. Ленина...

Пока я листаю страницы книги отзывов и читаю письма, экскурсовод рассказывает школьникам, как трудно было брату казненного Александра Ульянова — Володе Ульянову поступить в университет. Как с первого дня учебы Володя увлекся тайной работой политических кружков. Как он был одним из активных участников студенческой сходки 4 декабря 1887 года.

— Сходка здесь была?

— Нет, в актовом зале.

И вот распахнуты двери зала, в котором стоит гулкая тишина. Здесь в каждом простенке между окнами

в то время висели портреты царей — большие, темные. Каждый царь был изображен во весь рост.

Здесь вот: с кресел, с кафедры, с подоконников звучали речи возмущенных юношей. Здесь ректору университета была вручена петиция студентов. Участники сходки требовали уничтожить порядки, когда детей дворян и помещиков принимали в университет без всяких ограничений, а детям трудящихся, которых презрительно именовали «кухаркиными детьми», доступ в университет был закрыт.

Здесь, в стенах Казанского университета, произошло революционное крещение будущего вождя мирового пролетариата.

...Шумной стайкой школьники вышли на улицу. Не сговариваясь, все подошли к памятнику Ленину-студенту, что возвышается перед зданием. Экскурсовод на прощание рассказала им о двух добрых традициях, которые уже много лет установились в университете.

Каждую осень все, кто зачислен студентом, приходят в ленинскую аудиторию.

А студенты юридического факультета, на котором когда-то учился Владимир Ульянов, едут в Кокушкино. Там каждый из них в знак поступления в университет сажает молодое деревцо в парке. С каждым годом все длиннее становится в кокушкинском парке «аллея юристов».

Свято хранят в своих сердцах память о Ленине советские люди.

СОДЕРЖАНИЕ

Байдерин Виктор Александрович

ВОЛОДЯ УЛЬЯНОВ В КАЗАНИ И КОКУШКИНЕ

Рассказы

Редактор Т. К. Журавлев
Художник И. С. Хантемиров
Художественный редактор А. Г. Садыков
Технический редактор Ф. Х. Абдрахманова
Корректор С. Р. Вагапова

Сдано в производство 30/IV-1970 г. Подписано в печать 27/VII-1970 г. Бумага типографская № 1, 84×108 1/32. Учетн.-изд. л. 3,48. Условно печатн. л. 4,2. Заказ С-280. Тираж 100.000. Цена 13 коп.

Комбинат печати имени Камиля Якуба Управления по печати при Совете Министров ТАССР. Казань, Баумана, 19, 1970 г.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190